МИСТ

R 96/514

801-13/1258

ИВАН БЕЛОУСОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА

(ВОСПОМИНАНИЯ 1880—1928)

ПИСАТЕЛИ ИЗ НАРОДА
ПИСАТЕЛИ — НАРОДНИКИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

29-6904
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

2011123321

Главлит № А 19332. Тираж 3000—10 л.
Государств. тип. им. Евг. Соколовой,
Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.
Заказ № 1866. MCMXXIX

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА

Свой литературный путь я начал без всякой посторонней помощи.

Потомственным писателем я считать себя не могу: — в нашем роду не было ни одного писателя, а в доме, где я вырос, не было ни одной книги.

Отец мой — портной-ремесленник, — полуграмотный человек, — кроме «Полицейских Ведомостей», которые выписывал по приказу полиции, ничего не читал, но зато эти «Ведомости» он прочитывал очень добросовестно — с первой до последней страницы и даже об'явления.

Когда я начал разбирать печатное слово, отец заставлял меня читать «Ведомости». Однажды я прочитал так:

«Одинокая собака ищет комнату».

Отец остановил меня:

— Какая это собака ищет комнату? Дай-ка я прочитаю. — И прочитал:

«Одинокая особа ищет комнату».

— Ну и хорошо же вас обучают грамоте! — а еще по рублю в месяц берут! — Надо об этом дьячихе сказать, — заметил отец.

Обучался грамоте я у дьячихи местного прихода — сначала по-церковно-славянски, а потом уже и по-граждански.

В 1875 году я поступил в 1 Московское городское училище, где и познакомился с русской литературой.

И. Ф. Светиков

Инспектор и преподаватель Городского училища — Иван Федорович Светиков был большой любитель русской словесности и, кажется, из всех предметов на нее обращал самое большое внимание; — он часто давал нам, ученикам, классные работы по разбору русских классиков, и часто уроки русского языка состояли только в чтении произведений того или другого русского писателя.

И. М. Москвин

В 1880 году я окончил Городское училище, где, между прочим, со мной вместе обучался известный теперь артист Художественного театра Иван Михайлович Москвин.

И. М. Вдовин

До 17-летнего возраста я не был знаком ни с одним пишущим человеком, а вскоре после окончания курса в Городском училище мне случайно пришлось познакомиться с таковым, — это был

Иван Матвеевич Вдовин — волостной писарь Буховской волости, Волоколамского уезда. Сначала у нас с ним завязалась переписка, а потом Вдовин приехал в Москву.

И. М. Вдовина можно назвать одним из первых селькоров.

Состоя в должности волостного писаря, зная близко нужды деревни, он посылал корреспонденции в журнал «Русь», издаваемый Иваном Сергеевичем Аксаковым, и вел с ним переписку; — знаком он был с Николаем Михайловичем Астыревым и тоже переписывался с ним. Вдовин писал стихи и рассказы из народного быта и в 1889 году издал книжечку стихов «Для детей».

В лице Вдовина было мое первое литературное знакомство.

Вскоре после этого мне кто-то из знакомых сказал, что по соседству живет еще один пишущий человек, который торгует в овощной лавке.

М. Л. Леонов

В Зарядье, где я жил и работал в мастерской отца, была овощная лавка Леонова, — вот с сыном этого владельца лавки — Максимом Леоновичем Леоновым я и познакомился.

Сначала я стал заходить в лавку за мелкими покупками, потом как-то разговорился с молодым человеком, стоявшим за прилавком. Так произошло мое первое личное знакомство с М. Л. Леоновым.

М. Л. Леонов — отец известного теперь молодого беллетриста Леонида Леонова — в то время, так же, как и я, только что начинал пробовать свои силы в литературе, — писал главным образом стихи и помещал их в дешевых народных изданиях и в театральном «Вестнике», издаваемом Федором Александровичем Гиляровым — двоюродным братом редактора популярной тогда газеты— «Современные Известия» — Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Познакомившись с молодым Леоновым, я довольно часто стал встречаться с ним. Я после окончания работы, а он — после закрытия лавочки, обыкновенно сходились в трактирчике Зернова, в том же доме, где была лавка Леонова.

И. И. Зернов

Сын владельца трактира — Иван Иванович Зернов — также писал стихи, но боясь отца — человека строгого и деспотичного,—печатал их не под своей фамилией. Этот начинающий поэт сделал немного, но стихи его отличались большой задушевностью. Умер он 8 августа 1894 г. на 19 году своей жизни и похоронен на Даниловском кладбище . . .

М. Л. Леонов оказался очень энергичным человеком; — хотя он так же, как и Зернов, скрывал от отца свое писательство, все же сумел собрать вокруг себя небольшую группу таких же, как он сам, молодых, начинающих писателей из народа.

Я примкнул к ним и круг моих литературных знакомств сразу расширился. Мы стали собираться по вечерам и большею частию по праздникам в каком-нибудь трактирчике, или чайной и вели беседы на литературные темы.

И. З. Суриков

Этот кружок писателей из народа, или, как их тогда называли, — «писателей — самоучек», — являлся продолжением того кружка, который был основан в самом начале 70-х годов прошлого века поэтом Иваном Захаровичем Суриковым, издавшим в 1872 г. сборник произведений писателей-самоучек — «Рассвет».

* * *

«Родные Звуки»

Наш кружок писателей из народа постепенно расширялся.

Мы с Леоновым задумали издать сборник произведений членов нашего кружка; об'явили об этом, начали собирать рукописи, и в 1889 году под моей редакцией появился первый выпуск произведений писателей-самоучек «Родные Звуки». В него вошли стихи старых суриковцев: — Разоренова, Дерунова и Козырева. Мои стихи в этом сборнике были подписаны псевдонимом «И. Брянцев», а Козырева — «Мих. Крюков». Из молодых дали свои произведения: И. Вдовин, М. Леонов,

В. Лютов, Н. Глухарев и А. Слюзов. В предисловии к этому сборнику было сказано, что — «авторы настоящего сборника — все писатели-самоучки, не получившие никакого образования, но своими собственными силами, без посторонней помощи пробили себе путь на свет божий. Они, говоря словами поэта, — «одни из очень многих, которых долей роковой была вся жизнь борьба с нуждой среди людей, умом убогих . . .».

А. И. Слюзов

Из новых, молодых участников сборника следует выделить интересную фигуру Слюзова и о нем следует сказать несколько слов, так как с его именем связаны имена других писателей.

Алексей Иванович Слюзов — сын казанского торговца; он только один год проучился в приходском училище и был посажен отцом за прилавок. Но юношу тянуло к искусству — он пристрастился к чтению и начал писать стихи. У него явилась мысль — издать товарищеский сборник стихов и он сделал об этом об'явление в газетах.

Нашлось 10 авторов из разных мест России, прислали свои стихи Слюзову и он в 1883 году издал в г. Самаре сборник под названием: «Каждый для себя и немногих». Я дал в этот сборник несколько своих стихотворений.

Вскоре Слюзов появился в Москве: — он приехал «с главной мальчишеской целью существовать литературным трудом», как он писал в предисловии к одному своему сборнику стихов, изданному в Москве.

Слюзов, приехавши в Москву, решил издавать сборники своих стихотворений каждый месяц, для этого он поставил себе задачей писать не менее одного стихотворения в день.

Но он мог выпустить только один сборник, который не имел распространения и остался на руках у автора-издателя.

Поселился Слюзов в маленькой, сырой комнатке на одной из Мещанских улиц, там он сидел, писал стихи, проживая привезенные из Самары (отец его из Казани переселился в Самару) деньги, которые получил от отца, как выдел из наследства.

Страсть к изданию сборников не оставляла Слюзова и в Москве, — он и тут сделал об'явление в одной из московских газет, что предполагает издать сборник стихов начинающих писателей на товарищеских началах.

Прежде всего он обратился ко мне, как уже знакомому по сборнику «Каждый для себя и немногих».

Я дал в новый московский сборник несколько своих стихотворений за подписью «И. Усов». Между прочим, Слюзов сообщил мне, что и еще кое-кто из москвичей из'явили свое согласие участвовать в сборнике и назвал фамилии Телешова, Махалова и Добрышина, последний уговорил Слюзова поступить в артель с залогом; артелью этой заведывал отец Добрышина.

Слюзов отдал в залог почти все имеющиеся у него деньги, но артельное дело скоро «прогорело» и ему от ликвидации досталось кое-какое имущество, — между прочим, очень хорошая, с золочеными украшениями кровать.

На остатки денег Слюзов снял около Курского вокзала крохотную лавочку и стал в ней торговать жареной колбасой, селедками, булками и проч. снедью, которую у него покупали извозчики и носильщики. Сзади лавочки была такая же крохотная комнатка для жилья; единственное окно этой комнатки смотрело на выгребную яму.

В эту комнатку Слюзов поставил свою золоченую кровать, занявшую почти все помещение; — больше никакой обстановки у него не было. Садился он на кровать, а писал на под'оконнике; — хотя Слюзова нигде не печатали, но он упорно продолжал писать стихи.

Дела Слюзова в этой лавочке шли неважно, и он переменил торговлю, — снял лавочку на Цветном бульваре около цирка Соломонского, стал торговать фруктами, шоколадом, папиросами, надеясь на покупателей — посетителей цирка.

Сидел Слюзов в этой лавочке до 12 часов ночи и, в конце-концов, проторговался. Стал ходить по Москве с ящиком — торговать в разнос мелкой галантереей и кончил тем, что кое-как выбрался на родину; там заболел, долго пролежал в больнице и умер одинокий, всеми забытый 4 марта 1900 года.

И. К. Пархоменко

К нашей товарищеской компании постепенно примыкали увлекающиеся литературой, вернее сказать — стихами, молодые, начинающие писатели, так называемые самоучки, и не только живущие в Москве, но и провинциалы; — так появился среди нас приехавший из Черниговской губ. Иван Кириллович Пархоменко; он был художник, но писал и стихи. И, кажется, в то время у него была издана книжечка стихов.

В Москве он пробыл не долго и снова уехал на юг. Долгое время о нем не было никаких сведений.

Но вот кто-то сказал нам, что в одной из провинциальных газет было сообщение о том, что где-то был ограблен и убит художник И. К. Пархоменко. Мы думали, — уж не наш ли сотоварищ погиб, но сообщение это, как выяснилось после, не касалось нашего Пархоменко, — он здравствует и до ныне, и недавно выпустил книгу своих воспоминаний «О том, что было». Воспоминания его касаются больше художников — Куинджи, Репина, Айвазовского, Мясоедова, Н. Ге и др.

С. Т. Семенов

Вскоре после того, как я познакомился с И. М. Вдовиным, он, в один из своих приездов в Москву, сказал мне, что по соседству с ним жи-

вет еще один молодой писатель — крестьянин Сергей Терентьевич Семенов, с которым я через Вдовина и познакомился.

Семенов жил в деревне Андреевской, Волоколамского уезда, где семья его вела крестьянское хозяйство.

И. И. Горбунов-Посадов

Семенов писал рассказы из деревенского быта. Вскоре на него обратил внимание издатель только что образовавшейся в то время фирмы «Посредник» — Иван Иванович Горбунов-Посадов, который познакомил его с Л. Н. Толстым.

И. И. Горбунов-Посадов, состоявший во главе издательства фирмы «Посредник», сам пишущий стихи, любовно относился ко всем начинающим писателям, особенно выходцам из народа. И. И. Горбунов был близок к Л. Н. Толстому.

Первый рассказ Семенова — «Два брата» заинтересовал Льва Николаевича — и он был издан «Посредником».

Помню, впоследствии, когда я близко сошелся с Семеновым, мы как-то проходили с ним по одной из улиц близ Сокольников; — он указал мне на небольшой флигелек и сказал:

— Вот тут помещалась красильная фабрика, — юношей я работал на ней. Вон под тем окном была моя койка, где я, после работы, писал свой первый рассказ «Два брата» . . .

Познакомившись с Л. Н. Толстым, Семенов сделался «толстовцем», — стал вегетарианцем, не ходил в церковь, не крестил детей.

Начав рассказом «Два брата», Семенов написал множество повестей, рассказов и пьес из народного быта, а вместе с тем из-под его пера вышло много довольно ценных статей по сельскому хозяйству, земельным и кооперативным делам. Жизнь деревни он знал доподлинно; кроме того, его кругозор еще более расширился после того, как он побывал за границей: — он был выслан из России по приказу царского правительства, как «вредный элемент», — и довольно долгое время прожил в Швейцарии и Англии.

Как художник-писатель, Семенов отличался правдивостью и верностью описаний жизни крестьянина и окружающей его природы. Эти достоинства отметил Л. Н. Толстой и вот что сказал в своем предисловии к I-му тому «Крестьянских рассказов» Семенова, вышедших в 1894 году.

«Искренность—главное достоинство Семенова. Форма рассказов совершенно соответствует содержанию: она серьезна, проста; подробности всегда верны — нет фальшивых нот. В особенности же хорош, — часто совершенно новый по выражениям и поразительно сильный и образный язык, которым говорят лица рассказов . . .».

Судя по письмам, которые я много лет получал от Семенова из деревни и из-за границы, и из бесед с ним, — я видел, как он сильно интересо-

вался всем новым в литературе, науке и общественной жизни; читал он очень много, и в этом отношении его можно поставить в первые ряды писателей, вышедших из народа.

Семенов, среди окружающей его темноты, являлся светлым пятном, — он, узнавший свет, стал борцом против тьмы народной, — изобличал невежество, своим знанием и опытом разбивал деревенские суеверия и предрассудки на почве религиозной и общественной; говорил об этом прямо и открыто и, конечно, нажил себе много врагов, которые не раз проявляли свою дикую месть против своего обличителя. Семенов нес культурный свет в деревню, — устраивал спектакли, собрания, принимал участие в кооперации...

Богачи-кулаки деревенские всячески старались извести его, — десятки доносов сыпались на него властям, несколько раз его поджигали и, наконец, 3 декабря 1923 года он был убит из ружья своими соседями-односельчанами, когда шел в соседнюю деревню к знакомому учителю.

В. И. Савихин

С. Т. Семенов был знаком со многими писателями, конечно, он больше интересовался такими же выходцами из народа, каким он был сам. Так он был дружен с народным писателем Василием Ивановичем Савихиным, умершим в марте 1912 г.

С Савихиным мне не пришлось познакомиться лично, но, по рассказам Семенова, я знал, что он

родился в бедной крестьянской семье в Гдовском уезде, Петербургской губ. Отец его был фабричным, он жил в Петербурге, куда привез и сына, определив его в мальчики на табачную фабрику; впоследствии Савихин перешел на монетный двор, где и служил до самой смерти. Выучившись грамоте у отца, Савихин пристрастился к чтению и сам начал писать рассказы. Первый рассказ его «Дед Сафрон», изданный «Посредником», имел большой успех, о нем очень хорошо отзывался Л. Н. Толстой. Вторым произведением Савихина был рассказ «Кривая доля».

В 1906 г. Савихин издал I-й том своих произведений — книгу рассказов «Пробуждение».

Теперь этот писатель забыт, но в свое время он представлял несомненный интерес.

С. Я. Дерунов

В начале 80-х гг. еще живы были кое-кто из участников Суриковского сборника.

Так в Ярославской губ., в Пошехонском уезде проживал Савва Яковлевич Дерунов, писавший стихи, этнографические очерки и статьи по земским делам. Он был первым уездным гласным в Ярославской губ. с самых первых дней освободительной эпохи и провел в этой должности около 30 лет. Когда старик Дерунов узнал о московском кружке писателей-самоучек, он примкнул к нему и, кажется, только для общения с молодыми писателями и приезжал в Москву; он в то время жил

уже на покое в своем селе Козмодемьяновском на Шексне и занимался сельским хозяйством.

Почти во все сборники, издававшиеся в то время кружком, Дерунов присылал свои стихотворения; кроме того печатался в «Будильнике», «Народном Досуге», «Грамотее» и др. народных изданиях.

Особым поэтическим дарованием Дерунов не обладал, большую ценность представляют его работы по этнографии и краеведению, — но он был влюблен в свои стихи и писал былины, песни, бытовые картины, — лиризма же в его стихах совершенно не было.

За несколько лет до своей смерти С. Я. Дерунов ослеп и никуда уже не выезжал из своего села Козмодемьяновского, где он и умер 29 июля 1909 года на 80-м году жизни.

Л. Н. Трефолев

Через С. Я. Дерунова я познакомился с другим известным деятелем ярославцем — Леонидом Николаевичем Трефолевым, автором известной песни «О Комаринском мужике»; Леон. Ник-ч иногда, как и Дерунов, приезжал в Москву.

Трефолев не принадлежал к писателям-самоучкам, но со многими из них был в дружеских отношениях, как например с И. З. Суриковым, М. А. Козыревым и С. Я. Деруновым.

Сначала я познакомился с Трефолевым по переписке, — я в 1887 году послал ему свою

первую вышедшую в свет книжечку «Из Кобзаря. Т. Шевченка и Украинские Мотивы», изданную в Киеве; в ответ я получил от него, изданную им в Ярославле в 1877 г. в пользу балканских славян, книжечку — «Славянские отголоски».

В 1892 году Л. Н. Трефолев предпринял издание книги своих стихов и поэтому довольно часто приезжал в Москву.

Останавливался он на Пречистенке у своего знакомого М. В. Духовского.

В это время я довольно часто встречался с Леонидом Ник-м. Однажды я был у него с С. Д. Дрожжиным, — он подарил нам по книге своих только что вышедших стихов, сделав на книгах надписи; кроме того, по моей просьбе он вписал мне в альбом начало своей известной «Песни о Комаринском мужике». Запись эта у меня в альбоме датирована 3 января 1894 г.

В другой раз Трефолев, зайдя к Дрожжину, написал ему в альбом следующий экспромт:

«Век жестокий, век проклятый
Я едва ль переживу, —
Я чудесный век двадцатый
Не увижу на яву.
Вы, мой друг, меня моложе, —
Вы — поэт и человек, —
Дай вам счастье, правый боже,
Увидать свободный век!»

9 января 1894 г. Л. Трефолев.

Л. Н. Трефолев постоянно проживал в Ярославле, работая в земстве и редактируя журнал «Вестник Ярославского Земства», в то же время он много печатал своих стихов и в столичных журналах: — «Вестнике Европы», «Деле», «Русском Богатстве», «Русской Мысли», а раньше он сотрудничал в «Отечественных Записках», издаваемых Н. А. Некрасовым, который о Трефолеве говорил так: «Стих его бьет по сердцу; это — мастер, а не подмастерье». Участвуя во многих юмористических и сатирических журналах — «Искре» Курочкина, в «Будильнике», «Осколках», «Развлечении», Трефолев подписывался псевдонимом — «Уединенный Пошехонец».

В последние годы жизни Трефолев работал над своими литературными и земскими воспоминаниями.

Умер он в Ярославле 9 сентября 1905 г., там и похоронен на Леонтьевском кладбище.

Трефолеву принадлежат самые лучшие переводы стихов Кондратовича — Сырокомли.

А. Е. Разоренов

Другой участник суриковского сборника «Рассвет» — Алексей Ермилович Разоренов — торговал в Москве в овощной лавке, близ Тверской ул. в Палашевском переулке. Познакомился я с ним так: не помню, кто-то дал мне просмотреть рукопись — поэму «Солдат на родине», подписанную «А. Разоренов». Этого писателя я лично не знал.

Но вскоре автор этой поэмы сам явился ко мне. Я никак не ожидал, что встречу глубокого старика. Помню, он был одет по-старомодному в длиннополый русский сюртук, сапоги с высокими голенищами; жилет — фасона Гарибальди—был наглухо застегнут; шея повязана черной атласной косынкой.

При первой встрече мы разговорились; Алексей Ермилович сообщил мне кое-какие биографические сведения о себе; — он был сыном крестьянина Коломенского уезда, родился в сельце Малом Уварове в 1819 году. В молодости не нашел удовлетворения в крестьянском труде и ушел из деревни в город, — вел бродячую жизнь. Сначала он попал в Казань, где торговал на базаре калачами, а потом пристроился статистом в местный театр.

В это время он начал сочинять стихи; о его сочинительстве узнали его товарищи по службе и прозвали «сочинителем».

Разоренов писал тогда песни в народном духе, которые нравились его сослуживцам.

Песни эти остались неизвестными, потому что Разоренов не печатал их при жизни. Но одна его песня — «Не брани меня, родная» — пережила автора и живет до сих пор.

Написана эта песня при особых условиях. Вот как сам автор рассказывал мне историю создания этой песни.

Приехала в Казань на гастроли какая-то известная столичная актриса и захотела в свой бенефис поставить какую-нибудь новую пьесу.

В то время ложно-классический репертуар уже отживал свой век, а русские бытовые пьесы только что нарождались — их было не много, поэтому выбор был невелик и поневоле приходилось обращаться к иностранцам.

Актриса выбрала для своего бенефиса какую-то сентиментальную немецкую пьесу, переведенную на русский язык. В этой пьесе в одном акте была песенка, которую должна была исполнять героиня пьесы — бенефициантка. Но песенка была переведена неудачно, актрисе она не понравилась и ей захотелось эту немецкую песенку заменить русской, но необщеизвестной, а новой, оригинальной.

Знакомства с литературным миром в Казани у актрисы не было, и она не знала — к кому обратиться. Тогда ей сказали, что у них при театре есть свой «сочинитель» и указали на Разоренова.

Актриса рассказала юному сочинителю в каком роде она хотела бы иметь песенку.

На другой день Разоренов принес ей песню «Не брани меня, родная».

Нашелся местный композитор, подобрал к словам музыку — и песня была исполнена в бенефисный спектакль актрисы.

А. И. Дюбюк

Совсем недавно, на-днях, мне пришлось слышать концерт, передаваемый по радио; один из номеров этого концерта был об'явлен так: «Сейчас

будет исполнена русская народная песня „Не брани меня, родная“, музыка Дюбюка». Я стал искать в словаре имя Дюбюка и нашел: «Александр Иванович Дюбюк — композитор, родился в 1812 году, умер 1897 году» . . .

Он был автором книги «Техника фортопианной игры» и положил на музыку 130 народных песен.

Похоронен Дюбюк в Москве на Ваганьковском кладбище.

От Разоренова я не разу не слыхал, кто был композитором его песни, — повидимому, ему было неизвестно. Может быть, и сам композитор не знал автора слов песни.

В этот вечер, когда шла пьеса с песней Разоренова, театр был переполнен публикой. Пьеса, а особенно песня Разоренова, имели огромный успех.

На другой день песня «Не брани меня, родная» распевалась по всей Казани, — начиная с великосветских салонов и кончая лачугами пригорода, фабриками, заводами.

И до сих пор поют эту песню, если не в больших городах, — то в селах и деревнях. Особенно любят петь ее девушки на вечеринках и посиделках.

Поют, и не знают, кто автор этой песни, не знают и того, каким путем она проникла в народ . . .

Познакомившись с А. Е. Разореновым, я близко сошелся с ним, и наши дружеские отношения не прерывались до самой его смерти.

Я часто заходил к Алексею Ермиловичу в его лавочку (до самого недавнего времени у ворот дома № 7 на углу Тверской и М. Палашевского переулка висела старая, забытая вывеска с надписью «Овощная торговля А. Разоренова»).

Бывало придешь в лавку, Алексей Ермилович стоит за прилавком и занимается с покупателями, — кому отпускает селедку, соленых огурцов, квашеной капусты, отмеривает уголья.

Покупатель — все беднота, все рабочий люд, ютящийся на задних дворах больших домов, которые только со стороны людных улиц блещут зеркальными стеклами магазинов, а там, — на задних дворах, — грязь, сырые полуподвальные помещения . . .

Заявится в лавочку какой-нибудь малыш — покупатель, — к нему Алексей Ермилович проявляет особое внимание.

— Ну, что тебе, голубок? — спрашивает он у юного покупателя.

— Мамка послала купить два фунта хлеба, на две копейки огурцов, на две копейки луку, на копейку соли, а на остальное конфеток, — только побольше, дедушка!

— Само-собой разумеется, а то как же! — серьезно соглашается Алексей Ермилович. — Вот петушок есть леденцовый красный, а вот казак на коне. У петушка-то только один хвост, а у казака-то, — смотри-ка, конь-то какой — с четырьмя ногами, — скоро ли их обсосешь?! Да постой-ка, сколько у тебя денег-то?

— Гривенник. Так, — с тебя, значит, за хлеб — три копейки, за огурцы—две, луку на две копейки, да соли на копейку — всего 8 копеек, — так тебе и петушка и казака надо дать! . .

Покупатель весело улыбается, забирает покупки и удаляется из лавки.

Появляется Тарас — это племянник Алексея Ермиловича — помощник по торговле — высокий, худощавый старик.

Алексей Ермилович на время освобождается; мы удаляемся за прилавок побеседовать, а иногда уходим в трактир и за парой чая продолжаем беседу, читаем друг другу стихи.

Изредка у Алексея Ермиловича является желание выпить водки; он спрашивает графинчик и пьет странно, наполняя рюмку на половину водкой и на половину молоком; после этого он оживляется и рассказывает об И. З. Сурикове, как он заходил к нему в лавку; рассказывает, как Суриков принес ему первый с титулом лист своего первого сборника стихотворений, не замечая, что вместо слова «стихотворения» было набрано: «стиховарения». Или старик вспоминает далекое прошлое и читает монологи из старых ложно-классических драм и трагедий — «Велизария», «Громобоя», «Уголино», «Прокопа Ляпунова» и др., в которых он принимал участие в молодости в Казанском театре.

Из стихов, написанных Разореновым за долгую жизнь, могла бы составиться порядочная книга, но ни собрать, ни издать свои стихи Алексей Ермилович при жизни не удосужился, так они и остались разбросанными по разным мелким газеткам и журнальчикам и забылись.

Впрочем, одно произведение Разоренова было издано отдельной книгой в 1890 году, за год до смерти поэта — это «К неоконченному роману „Евгений Онегин“ соч. А. Пушкина, продолжение и окончание соч. Разоренова» с эпиграфами:

«Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья.
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья».

А. Пушкин.

«Но тот блаженней много крат,
Кто чувством с ближними делился,
На суд их правый не сердился
И не желал от них наград».

А. Разоренов.

В предисловии Разоренов, обращаясь к Пушкину, говорит:

«О, тень великого поэта!
Из недр неведомого света
На труд ничтожный мой взгляни —
И, если стою, — побрани
За то, что к твоему творенью
Я окончанье написал
И, волю дав воображенью,
Героя в нем дорисовал...

И дальше автор об'ясняет:

«Что здесь сам Пушкин виноват,
Что я являюсь к вам поэтом,
Хоть им не буду никогда.
Да, впрочем, дело не об этом...
А вот как та стряслась беда:
Его читая сочиненья,
Я так им очарован был,
Что я себя и все забыл.
И вдруг, в порыве увлеченья,
Не много думав, сгоряча,
Я создал это вам творенье,
Что называется, — сплеча.
Но выдать в свет его, конечно,
Не смел бы даже я мечтать,
Когда бы не желал сердечно
Пред строгим светом показать,
Как сильно было то влиянье
Родного гения-певца
На самоучку-простеца
Без всякого образованья...»

Особой художественности в этом произведении Разоренова нет, но оно действительно показывает большую любовь к родному гению самоучки-простеца, каким был А. Е. Разоренов.

Умер Разоренов 21 января 1891 года на 72 году своей жизни и похоронен на Ваганьковском кладбище, в левой части его от входа, где находятся могилы его собратьев по перу — Левитова, Нефедова, Орфанова-Мишлы, Воронова и др.

Перед смертью мне не удалось видеть Алексея Ермиловича, но мне рассказывали, что за не-

сколько дней до смерти он сжег все свои рукописи; в том числе, я помню, у него была небольшая поэма «Сон у памятника Пушкина».

Вот уже прошло около 40 лет с того времени, как не стало автора популярной песни; — сам поэт забыт, но песня его все еще живет в народе. Песня эта прожила около 80 лет, так как была написана приблизительно в 40-х годах прошлого века, но напечатана она была впервые во 2-м выпуске сборника писателей-самоучек «Родные Звуки» в год смерти поэта в 1891 году.

Песня исколесила всю Россию, имеет множество вариантов, изменений, переработок, поэтому мы приводим ее здесь в неизмененном виде:

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской?..

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как огнем;
Все не мило мне, постыло,
Все страдаю я по нем!..

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное сожгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить,
Знать судьба моя такая:
Я должна его любить!..

Н. М. Астырев

Могилу Разоренова теперь трудно отыскать на Ваганьковском кладбище, хотя на ней когда-то лежал камень-известняк в виде надгробия, но он, должно-быть, свалился и его убрали, так как могила никем не посещалась и о ней никто не заботился; — так и затерялась она, как затерялась на том же кладбище могила народника — Николая Михайловича Астырева — автора книг «В волостных писарях», «В таежных проталинах» и других, рисующих правдиво и ярко крестьянский быт и быт ссыльных в далекой Сибири, где был в ссылке Астырев.

По отбытии ссылки, Астырев вернулся в Россию, но вскоре снова был арестован и снова ему была назначена ссылка в Вологодскую губернию.

Когда он пересылался через Москву, заболел и из тюремной больницы был переведен в «Приют хронических нервных больных» проф. Кожевникова на Девичьем поле, где и умер 3 июня 1894 года.

Лично Астырева я не знал, но на похоронах его был и помню их.

Несмотря на то, что многие из москвичей на лето раз’ехались по разным местам, за гробом шла

порядочная толпа, — сотрудники «Русских Ведомостей», в которых Астырев помещал свои рассказы, студенты, кое-кто из пишущих.

Могила была вырыта недалеко от могилы Левитова, в уголке народников. Когда гроб стали опускать в землю, какой-то молодой человек в сером пальто взобрался на чей-то, стоящий рядом с могилой, памятник и произнес очень смелую по тогдашнему времени речь. Он говорил о виновниках смерти этого писателя, говорил, что перетерпел Астырев при жизни и закончил свою речь так: «Кто же является убийцами этого человека? — Убийцы его — та небольшая кучка людей, которая забрала в свои руки власть и именуется русским правительством! И теперь перед этой могилой мы можем сказать: Долой самодержавие!»

Мы — присутствующие, этими словами были поражены, как громом, так как многим было известно, что в толпе находились переодетые жандармы и охранники.

А гром действительно разразился, как только неизвестный окончил свою речь: — за деревьями мы не видали, как надвинулась черная туча, блеснула молния, ударил гром и хлынул ливень.

Публика стала разбегаться и прятаться под деревьями.

Ко мне торопливо подошла встревоженная жена Астырева и спросила:

— Вы не видали, — он ушел?

Я сказал, что видел, как говоривший речь молодой человек свернул на боковую дорожку и направился к выходу с кладбища.

В то время верилось в искренность этого смелого поступка, но впоследствии, когда жизнь стала давать много иных примеров, появилось сомнение и относительно смелой речи неизвестного . . .

А. А. Коринфский

В средине 1890 года в Москве появился поэт Аполлон Аполлонович Коринфский. В Москву он приехал от Спиридона Дмитриевича Дрожжина из деревни Низовки, где он гостил некоторое время. По приезде в Москву Коринфский разыскал меня и познакомился со мной, — он знал меня по стихам, которые я тогда печатал в Ланинском «Курьере» и в «Новостях Дня» — Липскерова.

Коринфский рассказал мне о Дрожжине.

В то время мы с Леоновым задумали издать 2-й выпуск сборника стихов самоучек-писателей под тем же названием — «Родные Звуки».

Я. Е. Егоров

Во второй выпуск «Родных Звуков» дали свои произведения несколько новых писателей из народа, не московских; из них более выдающимся можно назвать Якова Егоровича Егорова — учи-

теля села Рыбацкого, Петербургской губ. Этот талантливый поэт помещал свои стихи в «Русском Богатстве».

С Егоровым я не был лично знаком и был с ним только в переписке. Между прочим, он в 1891 году прислал мне свою фотографическую карточку со стихами, написанными на ней:

«Послушна вечная природа
Призывам матери — весны.
Не мы ли счастием народа
Так и свободны и сильны?
К светилам звезды тяготеют,
Песчинка жмется к берегам...
Все хорошо, что сердце греет,
Что мысль возносит к небесам!»

Я. Е. Егоров является вместе с И. И. Горбуновым-Посадовым составителем нескольких хрестоматий и книг для школьного чтения. Он всю жизнь свою учительствовал в с. Рыбацком, там и умер...

Н. А. Панов

Другой участник «Родных Звуков», также приславший несколько своих стихотворений для сборника, Николай Андреевич Панов — проживал постоянно в Петербурге; там он издал большой том своих стихов под названием — «Гусли-звончаты». Одна из его песен распевалась народом, — это

«Наша улица травою заросла,
Вся цветами-васильками зацвела!..»

С. Д. Дрожжин

По поводу «Родных Звуков» у меня и началась с Дрожжиным переписка, — я приглашал его к сотрудничеству в сборнике и Дрожжин из'явил согласие, прислал несколько стихотворений, а в августе 1890 года выслал мне в подарок первую книгу своих стихов с надписью:

Душевноуважаемому Ивану Алексеевичу Белоусову
на память наших заочных отношений
Спир. Дрожжин.

Низовка, 30 августа 1890 г.

Тут же были вписаны восемь строк следующего стихотворения:

«Мне ненавистны рабства цепи
И царство вечное царей, —
Хотел бы я бежать на степи
В страну свободных дикарей,
Или куда-нибудь за море
В ее ласкающую даль,
И там забыть мирское горе,
Размыкать русскую печаль...»

Кстати сказать, — слово «царей», видимо из предосторожности, было зачеркнуто.

Недавно Дрожжин был у меня, и когда я показал ему это его стихотворение, он под ним сделал следующую надпись:

«Я посетил моего старого друга Ивана Алексеевича Белоусова в последний мой приезд 4 января

1926 года и с удовольствием перечитал строки, когда-то очень давно написанного мною стихотворения, которое в свое время не могло быть напечатанным.

С. Дрожжин»

Вскоре и сам Дрожжин появился в Москве, — он приехал из своей деревни Низовки, в которую недавно вернулся из Петербурга.

Жизнь в Петербурге у него сложилась несчастливо, он лишился места приказчика, которое занимал в каком-то табачном магазине, бедствовал и решил ехать в деревню крестьянствовать. Но помощь его в деревне была излишняя: — надел земли обрабатывался его семейными, да поэт и не мог отдавать все силы трудной крестьянской работе.

Из автобиографических записок Дрожжина видно, как давался ему крестьянский труд.

«С непривычки к крестьянским работам в пояснице чувствуется боль и на руках появились мокрые мозоли... Зато как хорошо в поле. Я уже заметил цветение ржи и часто, собирая в ней васильки, любуюсь ею, особенно когда она волнуется»...

Так записывал Дрожжин в своем дневнике.

Из этого видно, какую же помощь он мог дать деревне, если он больше любовался красотами природы?

Деревне нужны были деньги, чтобы заплатить подати, справить хоть кое-какую одежонку, или

приобрести что-нибудь необходимое по хозяйству...

Вот эта-то нужда и погнала Дрожжина в город на добычу.

Он приехал в Москву искать места и первым долгом зашел ко мне познакомиться.

Вскоре, благодаря хлопотам И. Мясницкого (Ивана Ильича Барышева), — известного в то время юмориста-писателя, фельетоны которого в «Московском Листке» пользовались большой популярностью среди москвичей, — Дрожжин получил место приказчика в книжном магазине А. С. Суворина на Кузнецком Мосту. Но и в этом труде сказалась его поэтическая натура: — он очень любил читать книги, но не любил их продавать. Иногда покупатель спросит какую-нибудь книгу,— Дрожжин, не задумываясь, ответит:

— Нет такой книги!..

И когда ему другие приказчики скажут, что такая книга есть, нужно только ее отыскать, — он пойдет отыскивать.

Устроившись на месте, Дрожжин нанял себе маленькую, полутемную комнатку, увешал ее портретами писателей, — между прочим, — это его страсть, — у него в деревне все стены сплошь увешаны портретами. В первую голову он купил портрет любимого им шотландского поэта Роберта Бернса.

Я, увидавши этот портрет да еще в раме, спросил Дрожжина:

— Ты, наверное, потратил много денег на покупку портрета, — как же ты будешь жить целый месяц до новой получки жалованья?

— А я об этом и не подумал... Да в магазине этот портрет был в одном только экземпляре, — я подумал, — пожалуй, его продадут и поспешил купить, — ответил мне Дрожжин.

Устроившись на месте, он стал помогать деревне, посылая туда каждый месяц часть своего жалованья.

Из Москвы Дрожжин был переведен в харьковское отделение книжной торговли Суворина с повышением оклада жалованья, и как только скопил немного денег, бросил город и снова вернулся в свою Низовку, построил себе избу, где и живет до сих пор.

Городская работа и вообще городская жизнь никогда не удовлетворяла Дрожжина, — его постоянно тянуло к природе. Недаром он с такой любовью описывает родные места, — «Матушку-В лгу», поля, леса, луга, идеализирует крестьянский труд...

Годы Дрожжина уже приближаются к 8 десятку, а он остается без изменения,—все таким же, каким и был, хотя новая революционная жизнь и нашла отклик в его последних песнях...

М. А. Козырев

Третий москвич — участник Суриковского сборника — Матвей Алексеевич Козырев — имел за

Тверской заставой на Ямщицком поле небольшой костоваренный завод.

Это был человек высокого роста, крепкий; по зимам ходил в полушубке и в высокой, серой шапке, говорил смелые речи и был хорошим товарищем.

У меня в альбоме сохранилось его стихотворение автобиографического характера, датированное 26 декабря 1893 года.

Вот это стихотворение:

Не беда, — сорок лет на плечах,
Не печаль, что детишек ватага, —
Молод я с сединою в кудрях,
Не остыла в крови и отвага.
На башке и сейчас не ношу
Серой шапки своей в нахлобучку,
У врагов я пощад не прошу,
А лишь тронь, — дам попрежнему взбучку!
Учиню я с врагами расчет,
Правых тоже не дам я в обиду; —
Позови меня этот иль тот, —
На помогу я к каждому выйду!..

Таков именно и был Козырев — честный, прямой, открытый...

Он писал повести, рассказы и стихи и помещал их в «Московском Листке», в «Русском Листке» и в народных журналах.

Отдельно им были изданы два томика рассказов — «Из народного житья-бытья», «Типы Замоскворечья» и книжечка стихов, которые он иногда

подписывал «М. Крюков», так как был уроженец деревни Крюкова.

Козырев был учеником И. З. Сурикова, в юности он торговал в табачной лавочке на Тверской-Ямской улице, рядом с домом, в котором И. З. Суриков имел тоже лавочку и торговал старым железом и угольями.

Почти каждый день Суриков заходил в табачную лавочку за папиросами и обратил внимание на юношу — Козырева, разговорился с ним и, когда узнал, что он интересуется литературой и сам пописывает, — сделался его наставником и вывел его на литературную дорогу.

Впоследствии Суриков подружился с своим учеником: — они часто, по словам Козырева, заходили в какой-нибудь призаставный трактирчик, поверяли друг другу свои думы-мысли, высказывали «горькие истины» и, по-русскому обычаю, «заливали печаль-тоску зеленым вином».

«Как-то раз вышли мы с Иваном Захарычем из трактира, — рассказывал мне Козырев, — идем по железнодорожному валу, слышим откуда-то раздается песня:

«Эх, ты, доля, моя доля, — доля бедняка, —
Тяжела ты, безотрадна, тяжела, горька!..»

Суриков остановился, прислушался и говорит:

— Слышь, Матюха, ведь это мою песню поют, значит, не все еще пропало!

Козырев свой костоваренный заводик закрыл, стал извозничать, а потом незадолго до смерти переселился из Москвы на хутор в Бронницкий уезд, там и умер.

П. И. Богатырев

Через М. А. Козырева я познакомился с писателем-певцом Павлом Ивановичем Богатыревым. Да кто его не знал из москвичей в то время?.. Он писал рассказы в «Московском Листке», был в большой дружбе с редактором-издателем этой газеты— Н. И. Пастуховым.

Голос у Богатырева был богатый; он даже дебютировал в Большом театре, кажется, в роли Торопки в опере «Аскольдова могила», но кончил он печально: московское с широкой жизнью купечество, с которым Богатырев водил дружбу, кутежи, попойки — не дали развиться его таланту — певца, и он под конец своей жизни ходил по трактирам и ресторанам, пел под гитару импровизированные свои песни. В этот период мне несколько раз приходилось слышать его. В его исполнении сразу чувствовалось огромное умение передавать русскую песню, всю ее задушевность, всю грусть, всю удаль, размах при совершенно потерянном голосе.

Как сейчас помню с каким чувством он передавал свою песню с припевом:

«Эх, барин, барин! — Как тебе не стыдно!
Эх, барин, барин, — бог тебе судья!»

И. К. Кондратьев

Четвертый суриковец — Иван Кузьмич Кондратьев — стоит особняком от трех вышеописанных писателей-самоучек — Дерунова, Разоренова и Козырева, — те не были профессиональными писателями, Кондратьев же исключительно жил литературой.

Ареной его деятельности был Никольский рынок.

Но прежде, чем говорить о Кондратьеве, нелишне вспомнить, что представлял собою Никольский книжный рынок в 80-х годах прошлого века.

Книжные торговли никольских издателей и букинистов были разбросаны по всей Никольской улице, но главным образом сосредоточивались около Владимирских ворот, по Старой площади, по Китайгородской стене, близ церквей Владимирской и Троицы в Полях и помещались в крохотных лавочках, под воротами торговых подворий и в нишах городской стены.

И. Д. Сытин

Из лубочных никольских издателей на первом месте стояли: Морозов, Леухин, Манухин, Абрамов, Губановы, Коновалова, Сазонов, Максимов. Там же начинал свою издательскую деятельность Иван Дмитриевич Сытин, впоследствии развивший издательское и печатное дело до колоссальных размеров. А начинал Сытин свое дело в такой же крохотной лавочке и с таких же лубочных изданий, как и другие книжники Никольского рынка.

А. Д. Ступин

В проходе между Никольской и Театральным проездом, около церкви Троицы в Полях, где большею частью ютились лавочки букинистов, много лет существовала книжная торговля и издательство Алексея Дмитриевича Ступина.

Ступин начал свое издательство с лубочных книжек — с «Самоучителей танцев», с «Сонников», впоследствии он издавал акафисты разным святым и другую духовную литературу. В его издательстве выходили сочинения в свое время нашумевшего Иоанна Кронштадтского.

Вообще Ступин вел широкое знакомство с духовенством, особенно с московскими протодиаконами, славящимися своими голосами; иногда и архиереи бывали у него в гостях и он бывал в их компании.

После хорошей выпивки с разнообразной московской закуской, обыкновенно садились за «зеленый стол» и начинали любимую в то время игру — стуколку. Во время игры разыгрывались такие сцены: на крупный ремиз к отцу протодиакону приходят два козыря; протодиакон доволен и, предвкушая выигрыш, от удовольствия басит:

— Господу помолимся! — и стучит.

Но случается так, что козыри проигрывают; протодиакон смущен.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

Ступин язвит:

— Что, брат, — это тебе не молебен с водосвятием!

— А ты на кого играешь, — на акафисты? — в свою очередь язвительно спрашивает протодиакон.

— Наше дело маленькое, — мы к господу — богу не лезем, а так — Марией Египетской, Георгием Победоносцем да Миколой Милостивым пробавляемся, — с нас и этого хватает! . . — скромно отвечает Ступин и заглядывает в карты протодиакона.

— Ну, ты глазенапа-то в чужие карты не запускай! — рычит протодиакон . . .

Кроме «сонников», «акафистов» и календарей, Ступин развил большое издательство детских книг, и, надо отдать ему справедливость, издавал он их очень тщательно, хотя подбор литературного материала был бессистемен и по качеству очень разнообразен, — рядом с хорошими литературными произведениями издавалась и литературная макулатура, которую Ступин, по привычке никольского издателя, скупал по дешевке.

Из всех изданий Ступина «Ступинская библиотечка» пользовалась большою популярностью и имела широкое распространение. Ступин не жалел средств для того, чтобы придать книге хорошую внешность, — он приглашал известных художников-иллюстраторов и покупал всегда хорошую бумагу.

Ступин любил иллюстрировать свои издания, и знал толк в рисунках, но старался приобрести их как можно дешевле.

Принесет художник рисунок, — издатель начнет его рассматривать и обязательно найдет в нем недостатки, которых на самом деле не было, но это ему нужно было для того, чтобы снизить цену за работу.

— Вот тут бы почерней надо, — скажет Ступин художнику; тот начинает доказывать правильность рисунка; долго толкуют об этом, наконец, подходят к цене.

Тут процедура продолжается:

— Ну, сколько тебе заплатить-то? — спрашивает Ступин.

Художник назначает цену.

Издатель упрямится, — торгуется без конца.

В конце-концов сходятся в оплате рисунка.

— Ладно! — машет рукой Ступин и уходит в свою комнатку-кабинет — тут же при лавочке; затворит за собой дверь и сидит там, выжидая, что художник подождет, подождет да уйдет, но тому нужны деньги до крайности, — он ждет.

Наконец, отворяется дверь, высовывается голова Ступина.

— Ты чего ждешь то?

— Да денег . . .

— А-а! . . — протягивает издатель и снова скрывается за дверью.

Художник опять садится, дожидается, — и дождется, когда Ступин выйдет из кабинета, засунет руку в карман брюк, достанет пачку бумажек, обтянутых резинкой, скинет резинку и начнет отсчитывать, и снова положит в карман, потом полезет в другой карман, достанет пачку рублевок и их посчитает, наконец отдает деньги художнику и при этом пожалуется, что дела очень плохи и расходов так много, что денег никак не напасешься . . .

Ступин умер перед началом революции.

А. И. Морозов

Типичную фигуру представлял собой один из старейших издателей-лубочников Андрей Иванович Морозов — полуграмотный старик в длиннополом «русском» сюртуке, в козловых, мягких сапогах, в ватном суконном картузе. У него был только особый «нюх» в выборе сюжетов на лубочные картины и книжки, редакторами же являлись его сыновья и племянники. Морозов был типично-православный москвич; он даже ездил в паломничество в Старый Иерусалим и когда вернулся, то заказал нарисовать картину «Дуб Маврийский»; под этим дубом был изображен и сам Морозов.

Из букинистов на Никольской улице сидели такие столбы этого дела, как Шибанов и Астапов, известные не только литературной Москве, но всей России и даже за границей.

А. А. Астапов

Афанасий Афанасьевич Астапов был типичным букинистом; он почти всю свою жизнь просидел в крохотной лавочке около церкви Троицы в Полях, но в своих складах имел огромное количество очень редких изданий.

Астапов знал почти всю литературную Москву и она его знала: московские литераторы и ученые, когда нуждались в материале для каких-нибудь своих работ, всегда обращались к Астапову и добывали у него нужный, редкий материал.

П. Д. Боборыкин

Петр Дмитриевич Боборыкин был знаком с Астаповым, заходил к нему в лавочку, беседовал с ним и описал его в одном из своих романов.

Я познакомился с Астаповым уже к концу его жизни, когда ему — старику — стало не под силу вести торговлю и он передал ее другому букинисту, кажется, Фадееву, имевшему торговлю на Моховой против Университета, передал с одним условием, чтобы преемник его поставил у себя в лавке кресло. Это старинное из корельской березы кресло, по словам Астапова, принадлежало какому-то знаменитому человеку, чуть ли не Новикову.

Астапов до самой смерти приходил каждый день в лавочку, садился на кресло и просиживал до окончания торговли; так была велика сила привычки к книгам у этого человека!

Астапов умер в годы революции.

За год до смерти, как-то вечером я встретился с ним около памятника первопечатнику Ивану Федорову.

— Вот, — сказал мне Астапов, указывая на Китайгородскую стену, — за этой стеной я провел всю свою жизнь, и на этой стене есть мне памятник, только он бывает виден по вечерам и в солнечные дни.

Я, признаться, подумал, — уж не рехнулся ли старик?

— Да вот посмотрите, — сказал Астапов, указывая на тень от фигуры первопечатника, ясно обозначенную на белой стене.

Я посмотрел на тень, сравнил ее с сильно сутуловатой фигурой Астапова и нашел ее действительно очень схожей со старым букинистом.

— И правда, — тень очень похожа на вас! — сказал я.

— Да, да, — это многие говорят, — подтвердил Астапов. — Вот это и есть мой памятник! — добавил он.

* * *

Большинство издателей Никольского рынка были люди полуграмотные, но они отлично разбирались в массовой литературе и очень хорошо знали вкусы потребителей их производства. На первом плане, конечно, стояли — «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Аглицкий милорд», «Битва русских с кабардинцами», «Солдат Яшка— красная рубашка», «Евстафий и Плакида», «Параша-сибирячка», «Повесть о портупее прапорщике» и мн. др.

И. С. Ивин-Кассиров

Последняя «повесть», подписанная «И. Кассиров», принадлежала перу известного в свое время поставщика литературного товара на Никольский рынок Ивана Семеновича Ивина.

Ему же принадлежало еще несколько очень популярных на Никольском рынке книжек и, кажется, между прочим, «Рассказ о том, как солдат спас Петра Великого».

Ивин, кроме лубочной литературы, занимался писанием стихов и издал их отдельной книгой, помещал религиозно-философские статьи в журнале «Русское Обозрение», издаваемом Анатолием Александровым, который одно время жил в доме Л. Н. Толстого в Хамовниках. Может быть, через Александрова Ивин и познакомился с Толстым, ходил к нему в Хамовники и вел с ним беседы на религиозные темы, — потом в кругу своих друзей Ивин говорил:

— Я заставлю Льва Николаевича быть православным! . .

Но этого сделать ему не удалось.

Впоследствии Ивин учительствовал в селе Поречьи Волоколамского уезда, а потом сделался священником.

Ивин умер в годы революции.

Торговцы старыми книгами, приютившиеся под воротами на Никольской и частью на Лубянке, являлись в то же время и издателями, но не книг, а раскрашенных складных картинок.

Эти картинки, изготовленные литографским способом, представляли собой иллюстрированную русскую азбуку; на каждую букву на отдельной странице рисовался какой-нибудь предмет, начальная буква которого должна была соответствовать известной букве алфавита, внизу под которой находились пояснительные стихи.

Например, на букву Л был изображен разносчик, торгующий зеленым луком, а внизу — надпись:

Хорошее дело — лук,
Только не кушайте его вдруг, —
А то меня не взлюбите
И потом не купите!

Эти подворотные букинисты, кроме старых книг, торговали и новыми лубочными книжками, а главным образом — лубочными картинами, которые у них были развешаны по стенам на веревках.

Около этих картин всегда толпился народ, так как сюжеты этих картин были большею частью на современные темы. Были, конечно, лубки с теми же неизменными героями — «Бовой» и «Ерусланом», «Как мыши кота хоронили» и на религиозные темы — «Хождение души по мукам», «Сергий преподобный с медведем», «Афонские горы» и проч.

Я помню, особенно много издавалось картин в русско-турецкую войну 1877 года. «Переход через Дунай», «Взятие Плевны», «Битва у Рущука» и другие эпизоды войны с главными героями — Скобелевым, Гурко; эти картины издавались массами и раскупались большею частью деревенскими жителями, которые считали каким-то обязательством прилепить такую картинку на стенку в своей избе.

Много было таких же картин и в последнюю русско-японскую войну, где изображались большею частью морские сражения; некоторые из этих картин появлялись с подписями в стихотворной форме.

Гонорар своим поставщикам рыночной литературы никольские издатели платили небольшой — цена за листовку в 32 страницы обыкновенно была три рубля и редко 4—5 рублей. Все дела с покупателями издатели совершали большею частью в трактире Колгушкина, помещавшемся на месте Лубянского пассажа; может быть, по старой традиции и теперь в Лубянском пассаже нашло себе место много теперешних издательств.

В трактире Колгушкина за чаем или за графинчиком каждый день можно было встретить никольских издателей, производящих расчеты с провинциальными покупателями — офенями или с авторами.

Издатели всячески старались «околпачить» своих поставщиков литературы, а те, в свою оче-

редь, изощрялись «надуть» купца-издателя: одну и ту же вещь только под разными названиями сбывали по два, по три раза. Но, кажется, этот грех не изжит еще и нашими писателями и в наше время.

Иногда какую-нибудь переводную вещь, без всякой переделки, только заменив иностранные имена русскими, да придумав заглавие позабористее, никольский поставщик переписывал и сдавал полуграмотному издателю.

Помню такой случай был с рассказом финского писателя Пейверинта «Попутчик». Этот рассказ был издан фирмою «Посредник» в дешевом издании. Ивин, в минуту жизни трудную, переписал этот рассказ с изменением имен и под другим названием продал Морозову за три рубля, а после оправдывался, когда его упрекали в этом поступке:

— А что же тут особенного? — говорил Ивин. — Ведь если подсчитать стоимость бумаги, чернил, перьев и труда, потраченного на переписку, то это будет стоить подороже трех рублей...

И все вот такие дела обделывались тихо, мирно, полюбовно, как говорится...

Может-быть, кто-нибудь, когда-нибудь и опишет взаимоотношения авторов и издателей теперешнего времени, опишет и сравнит с прошлым...

Но это дело истории...

Кроме издателей-лубочников, изготовлявших свой товар для деревни и провинции, на Никольской и Лубянской площади существовали и другие

издатели для другого рода читающей публики. По каталогам этих издателей можно было судить на какого читателя рассчитывали эти издатели.

Максимов

Вот примерный каталог изданий Максимова, имевшего книжный магазин на Лубянской площади: «Джек — таинственный убийца женщин», «Тайны двора», «Кровавые ночи Венеции», (1000 страниц), «Саде — таинственный похититель женщин», «Злодей Чуркин — уголовный роман», «Цыган-Яшка», «Любовные похождения кавалера фон-Блаза», «Убийство княгини Зарецкой», «Отравитель», «Макар-душегуб», «Таинственный дом», «Тайна куртизанки-проститутки Марсель».

А дальше идут специальные издания: «Полный сонник», «Хиромантия», «Полный письмовник для влюбленных», «Фокусник-Чародей», «Гадалка», «Полный Оракул», «Женщина в разных видах», «Грехи молодости», «Самоучитель танцев» и мн. других в этом же роде.

А в отделе «Сочинения Л. Н. Толстого» значится: «В чем счастье», «Крейцерова Соната», «Ходите в свете» и «Тайна женского сердца».

Цены на книги у этого издателя были недешевые — от рубля до 2 рублей. Видимо, издатель, благодаря заманчивости заглавий, и по этим высоким ценам находил покупателей на свой товар.

Бриллиантов

Подобного типа, как Максимов, в Москве было несколько издателей, — Сазонов, Бриллиантов. Каталог последнего рассылался, главным образом, по провинции, каждая книга в каталоге сопровождалась полным описанием содержания. Вот, для примера, выдержки из каталога Бриллиантова:

«Полный письмовник для влюбленных, с указанием правил, как должно писать письма различного содержания. С прибавлением наставления безошибочно делать выбор жениха и невесты и искусство нравиться всем и быть счастливой в супружеской жизни. В 2-х частях, в 6 отделениях. Сост. Светловский. Издание 6-е. Цена в тисненом золотом переплете 1 р. 50 к.

Или:

«Светский благовоспитанный молодой человек». Сборник правил и наставлений, как держать себя с тактом во всех слоях общества и дома, с прибавлением необходимого словаря иностранных слов, употребляемых при разговорах в обществе и при дирижировании танцами. В 2-х част. в тисненом золотом переплете 1 р. 50 к.»

«Новая полная памятная книжка для влюбленных» с содержанием: «Голубиная почта любовных похождений. Любовь до и после брака. Грамматическая форма любви в различных родах. Любовные заметки на каждый месяц. С приложением супружеского словаря и сравнения любви с зубной болью и вином. В 12 главах. Цена в хорошем переплете 1 руб.» Дальше идут: «Полная школа театрального искусства». — Самоучитель для тех, кто хочет быть замечательным актером-артистом». Цена в коленкоровом переплете — 3 руб.

«Живописец-Самоучка», и мн. др. Казалось бы, что подобным изданиям в наше время не могло быть места, — однако, в самое последнее время издатели подобного рода книг существуют; правда, они из столицы перекочевали в провинцию и оттуда рекламируют свои издания: «Искусство спорить и острить», «Лучшее руководство по бухгалтерии известных профессоров», «Домашний ремесленник. Самоучитель всех ремесл». «Как без посторонней помощи играть на гитаре», «Как петь без руководства специальных педагогов», «Приготовление ликеров на дому» и мн. др.

Значит, «ничто не ново под луной» и Бриллиантовы живы.

И. К. Кондратьев

С Иваном Кузьмичом Кондратьевым я был лично знаком. Он представлял собой тип тогдашней богемы. Жил в конце Каланчевской улицы, около вокзалов, в доме Могеровского. Мне несколько раз приходилось бывать у него на квартире, которая представляла настоящую мансарду:— низенькая комната в чердачном помещении с очень скудной обстановкой, — стол, кровать и несколько стульев — больше ничего.

А. К. Саврасов

Особенность этого помещения заключалась в том, что все стены были в эскизах и набросках углем, сделанных художником-академиком живописи Алексеем Кондратьевичем Саврасовым, автором известной картины «Грачи прилетели», находящейся в Третьяковской галлерее. Кондратьев вел дружбу только с такими же, как и он, — выбитыми из колеи жизни, людьми, какими являлись — академик Саврасов и писатель Николай Васильевич Успенский — двоюродный брат Глеба Успенского.

Все эти три лица были неразлучны между собой; они почти каждый день собирались у Кондратьева и пили не водку, а чистый спирт, так как водка их уже неудовлетворяла.

И все они трое погибли трагически: Саврасов ушел на Хитров рынок и жил там настоящим босяком в ночлежных домах.

Бывшие ученики его и родственники не раз извлекали его из ночлежек, брали к себе на квартиры, прилично одевали, но долго удержать не могли, — его снова тянуло к бродяжному люду, ютящемуся на «Хитровке». Там он заболел, был отправлен в чернорабочую больницу, где и умер 26 сентября 1897 года.

За год до смерти я встретил Саврасова на Мясницкой улице, — это было зимой, — одет он был в ситцевую, стеганую на вате кацавейку, какие носят деревенские старухи и огородницы; подпоясан веревкой. Старые, с заплатами кальсоны внизу обмотаны какими-то тряпками. Обрывки веревок придерживали на ногах рваные опорки. На голове была надета черная, с широкими полями «художническая» шляпа. Под мышкой он держал старую папку, — вернее переплет от конторской книги.

Несмотря на убогость костюма, вся его крупная фигура, с большой, седой бородой, — прямая, стройная, — казалась величественной. Он стоял на углу Златоустинского переулка и спокойно смотрел на мимо-идущую толпу, гордо подняв красивую голову.

Я подошел, поздоровался с ним, он сейчас же предложил мне пойти в трактир и выпить водки.

Я, признаться, смалодушничал и, подумав, в какой же трактир нас с ним пустят? — отказался от его предложения.

У Саврасова было два места приюта, — ночлежные дома Хитрова рынка и рамочные мастерские, в которых изготовлялся товар для Сухаревского рынка. Там за бутылку водки Саврасов писал картины, которые потом продавались на «Сухаревке» по 2, по 3 рубля с рамой.

Эти картины Саврасов писал только черной, белой и красной красками, изображая большею частью или ночь, или зимний пейзаж и подписывал их двумя буквами — А. С.

Торговля под воротами в Москве совершенно уничтожилась; под воротами осталась, кажется,

только одна торговля картинами в Столешниковом переулке. Проходя мимо на-днях, я увидал там, выставленную для продажи, картину Саврасова, подписанную буквами А. С. Эта картина относится, по всему вероятию, к тому периоду, когда Саврасов был поставщиком Сухаревского рынка.

Похоронен Саврасов на Ваганьковском кладбище по первой дорожке налево от входа.

На могиле его был поставлен самый дешевый деревянный дощатый крест с надписью:

Академик
Алексей Кондратьевич Саврасов.
Родился 12 мая 1830 года, скончался 26 сентября
1897 года.

Я хорошо знал могилу первого русского пейзажиста. Когда простой дощатый крест со временем подгнивал, то чья-то заботливая рука несколько раз углубляла его в землю, а теперь этот крест совершенно исчез, и я думаю, немногие знают могилу академика Саврасова.

Давно, в еще довоенное время я несколько раз говорил большим московским художникам о печальном состоянии могилы Саврасова, но это ни к чему не привело.

Н. В. Успенский

Трагически покончил и Н. В. Успенский. Он в последнее время буквально нищенствовал.

Рассказывали, что он, со своею дочерью-подростком, ездил в вагонах дачных пригородных поездов железных дорог; дочь его, одетая в костюм мальчика, играла на гармонике и пела песни, а писатель Николай Успенский выпрашивал подаяние.

Такая жизнь писателя кончилась печально: Успенский глухою осенью зарезался перочинным ножем где-то в Замоскворечьи; труп его сначала был доставлен в Пятницкий частный дом, а потом в анатомический театр Московского университета, откуда был перенесен в местную церковь.

Похоронен Успенский на Ваганьковском кладбище почти рядом с могилой Левитова, на средства издателя «Московского Листка» Николая Ивановича Пастухова, у которого Успенский печатал свои рассказы в «Московском Листке».

Успенский, несмотря на свою крайнюю нужду, никогда не обращался лично к Пастухову за помощью, — он говорил: «Теперь он миллионером стал, — я к нему не пойду».

На могиле его стоял дешевый цинковый крест с надписью:

Писатель Николай Васильевич
Успенский.
Скончался 21 октября 1899 года.

Этот крест не сохранился теперь.

Н. В. Успенского при жизни мне пришлось видеть только один раз у Кондратьева; — он казался истощенным, болезненным, борода и голова густо посеребрены, одет очень бедно, шея обмотана каким-то рваным шарфом, на ногах худые ботинки.

Это было незадолго до его смерти, он тогда написал свои воспоминания и отдал их на издание какому-то маленькому издателю, имевшему книжную лавку на Тверской улице. Издатель обязался выплачивать Успенскому гонорар по рублю в день и он каждый день должен был приходить за этим в лавку к издателю.

Как известно, воспоминания Успенского написаны с каким-то озлоблением. Все большие русские писатели, как например, Тургенев, Толстой, Некрасов и др., о которых вспоминает Успенский, описаны с отрицательной стороны; в этом был виноват отчасти Кондратьев, который все время говорил Успенскому:

— Жарь их хорошенько! Разноси этих господ!

Вскоре после смерти Успенского, Кондратьев рассказывал мне:

— Он все у меня бритву просил, а я ему сказал: да купи ты за пятиалтынный ножик, — сумеешь им зарезаться-то! . . Он так и сделал! . .

И. К. Кондратьев пережил своих друзей — товарищей — Саврасова и Успенского.

Жил он исключительно тем, что поставлял на Никольский рынок литературный товар. Он писал большие романы, повести, между прочим, особой известностью пользовался его роман «Салтычиха». Есть у него одна вещь, написанная стихами в драматической форме, «Пушкин у цыган». Вообще Кондратьев писал очень много стихов, которые

были изданы в 1897 году довольно об'емистой книгой под названием «Под шум дубрав».

Его очерки по истории Москвы также были изданы отдельно под названием: — «Седая старина Москвы».

Кондратьев тоже погиб трагически: в какой-то пьяной компании он был жестоко избит и умер на больничной койке.

Похоронен на Лазаревском кладбище, но едва ли кто знает, где его могила.

* * *

Об остальных участниках суриковского «Рассвета» — Е. Назарове, Д. Е. Жарове, И. Д. Родионове, И. Е. Тарусине, С. А. Григорьеве, кроме А. Бакулина — мало сведений, — известно, что все они происходили из крестьянского сословия, с детства были оторваны от деревни, попали в город, занимались службой в мелких торговлях, в ремесленных заведениях и, сломленные нуждой, многие из них прибегали к одному утешительному средству, к которому прибегало не мало даровитых русских людей.

О некоторых из них мне кое-что рассказывал А. Е. Разоренов, лавочка которого служила приютом этих, рано сломленных жизнью, людей.

С. А. Григорьев

О Григорьеве Разоренов рассказывал: «Бывало придет в лавочку, спросишь о здоровье.

— Что-то левое легкое болит . . . Пойдем, „черканем“ в трактирчике!».

Григорьев был рослый, видный детина, говорил басом на о.

Когда Григорьев умирал в больнице, его пришел навестить Суриков и, как православный человек, долго уговаривал его причаститься перед смертью:

— А для чего это? Не надо! — отвечал Григорьев.

Д. Е. Жаров

Часто приходил в лавочку к Разоренову и Жаров, заваливался за прилавок и засыпал там.

«Бавало, — рассказывал Разоренов, — лавочку надо запирать, а его недобудишься. „Критик пришел!“ — крикнешь громко, — ну, он и проснется».

А. Я. Бакулин

А. Бакулин — дед Валерия Яковлевича Брюсова. В сборнике «Рассвет» были помещены две его басни — «Кошка и щегол» и «Осел и лисица».

В. Я. Брюсов в книге «Из моей жизни» (изд. Сабашниковых, 1927 г.) так вспоминает о своем деде:

«Дед мой Александр Яковлевич Бакулин был довольно замечательным человеком. С внешней стороны он занимался сельским хозяйством. Впрочем, работать пробовал многое,—арендовал землю и т. п. Но это была его внешняя жизнь, за ней же

скрывалась иная. Он был поэт. Родился в 1813 г. и лично пережил Пушкинскую эпоху.

Подобно тысяче других, он был увлечен силой нашего величайшего поэта. Для него были только: Державин, Крылов, Пушкин и его современники— Дельвиг, Баратынский, кое-кто еще из плеяды. Остальных он не признавал, особенно новых.

Дед мой считал себя баснописцем. Он написал несколько сот, может-быть, несколько тысяч басен. Собрание, где они переписаны, разделено на 12 книг, но там их не больше половины. Кроме того, он писал повести, романы, лирические стихи, поэмы. Все это писалось почти без надежды на читателя.

В 40-х годах он издал маленькую книжечку басен под заглавием: «Басни провинциала». Иногда ему удавалось пристроить басню или стихотворение в какой-нибудь сборник или газету.

Но огромное большинство его писаний оставалось в рукописях, терялось, рвалось, — потому что все в семье относились с сожалением к его творчеству, старались не говорить о нем, как о какой-то постыдной слабости».

В настоящее время у жены В. Я. Брюсова Жанны Матвеевны находится довольно большая пачка рукописей Бакулина.

Бакулин умер в Москве и похоронен на Пятницком кладбище.

В. Я. Брюсов рассказывал мне, что, когда он был маленьким мальчиком и приезжал в гости

к деду, то любил читать стихи разных поэтов, которые дед вырезал из газет и журналов и наклеивал их в особые тетрадки.

И. Д. Родионов

Иван Дмитриевич Родионов — уроженец Тульской губ., печатал свои произведения в «Воскресном Досуге», «Ремесленной Газете», «Грамотее», «Развлечении», «Будильнике», «Неве» и др. Он служил в артели; по делам службы был послан в Ялту, где и умер 12 июня 1881 года, не достигнув тридцатилетнего возраста.

В его стихах было много задушевности и простоты, — это был один из подававших большие надежды писателей-самоучек.

Е. И. Назаров

Егор Иванович Назаров — елецкий мещанин, служил приказчиком по мучному делу, а потом — писарем при Мещанской Управе.

Я познакомился с ним письменно, когда он проживал в г. Орле, в 1887 году.

В этом году вышла первая книжка моих стихов: «Из Кобзаря Т. Шевченка и Украинские Мотивы». Я предложил Назарову распространить эту книжку в Орле и послал ему несколько экземпляров.

В ответ я получил от Назарова письмо, в котором он писал, чтобы я выслал еще один экземпляр для начинающего поэта И. А. Бунина, с которым

я впоследствии познакомился. Бунин вывел Назарова в одном из своих рассказов.

Назаров при жизни издал книжку своих стихов. Умер он в 1900 году в 50-летнем возрасте.

Ф. Т. Гаврилов

В конце 80-х годов я познакомился с одним молодым поэтом из рабочих — Федором Тимофеевичем Гавриловым; он служил в какой-то слесарной мастерской и был знаком с детьми старого писателя-народника Николая Николаевича Златовратского, а через них и с самим писателем.

В свою очередь Гаврилов и меня познакомил с Н. Н. Златовратским, который в то время жил в одном из переулков Каретного ряда.

Как-то раз в одно из воскресений я с Гавриловым пришел к Златовратскому.

Н. Н. Златовратский

Старый писатель принял меня приветливо и пригласил бывать у него по субботам. Он устроил у себя приемный день в субботу потому, что круг его знакомых состоял большей частью из людей, занятых целую неделю на работе или на службе и для которых суббота являлась самым подходящим днем, когда можно было и засидеться подольше, так как на другой день не надо было итти на работу.

Н. Н. Златовратский жил очень скромно, и субботы его были скромные: бутылка водки на всех, селедочка, колбаска, вот и все угощение, но зато

беседы были непринужденны, интересны и содержательны; на них то и воспитывалась вся рабочая молодежь, которую старый писатель приближал к себе.

Я близко сошелся с Н. Н. Златовратским и его семьей и несколько лет под ряд прожил у него на даче, в его маленьком именьице близ станции Апрелевка, Киево-Воронежской железной дороги, куда Златовратский каждое лето переселялся из Москвы.

По праздникам в Апрелевку приезжали кое-кто из молодежи, бывали и старые писатели—Н. И. Тимковский, Н. А. Соловьев-Несмелов и, тогда еще молодой, П. Н. Сакулин.

Просто и хорошо проходило там время! Посредине именьица был большой проточный пруд, образовавшийся от запруды крохотной речки-ручья Апрелевки, впадающей в Десну.

Запруда-плотина была сделана руками молодежи и обсажена ивами.

На пруду имелась плоскодонная лодка, которая носила название «Губитель дачников». Такое название лодка получила после того, как ее разбитый нос был починен листом железа от старой вывески, на которой сохранились только две буквы—Г и Д.

Мы часто с Николаем Николаевичем по вечерам садились с удочками на берегу пруда и вылавливали карасей, а потом угощались ими, поджаренными в сметане.

С виду суровый, замкнутый, малоразговорчивый с незнакомыми людьми, Николай Николаевич

в компании близких людей оживлялся и был неузнаваем.

Вспоминаются мне ежегодные торжества в квартире Златовратского 14 декабря. В этот день у него всегда собирались люди, пришедшие поздравить его со днем рождения.

Традиционный пирог и скромный ужин всегда заканчивался оживленной беседой, а под конец составлялся хор, — Николай Николаевич руководил им. И люди солидные, с седыми головами оживлялись, и с воодушевлением звучали песни 60-х годов, — песни старого студенчества; некрасовские стихи сменялись гимнами свободе и украинскими песнями. Люди как будто вновь переживали эпоху светлых надежд и верований и расходились с укрепленною верою в лучшее будущее трудового народа . . .

Вообще Николай Николаевич любил пение. Вспоминаются мне летние ночи в Апрелевке. Над прудом, за день разогретым солнцем, поднимается туман. Теплынь. Тишина. Вдруг, в чутком ночном воздухе слышится пение, — это Николай Николаевич соблазнился тишиною летней ночи, вышел побродить около дачи и запел:

«Выдь на Волгу — чей стон раздается
Над великою русской рекой? . .»

И чувствуется, что не просто ради скуки поется эта песня, а слова ее глубоко переживаются певцом . . .

Как известно, герои произведений Златовратского взяты прямо из жизни, это типы людей, живших вскоре после об'явления «воли», типы глухих, далеких деревень Владимирской губернии.

Но в последнее время Николаю Николаевичу приходилось жить, и то только по летам, под самой Москвой, верстах в 40 от нее, и, можно себе представить, какую он видел разницу в подмосковных крестьянах с теми крестьянами, которых он наблюдал в глухих углах Владимирской губернии.

— Не то, не то стало теперь! — не раз говаривал Николай Николаевич. — Бывало выйдешь к старикам на завалинку, разговоришься, — они тебе всю душу выложут, — а теперь, поди — поговори, — все озираются, опасаются!..

Жизнь шла и изменялась с каждым днем, а крепкие устои, на которых были заложены и покоились убеждения Златовратского, оставались неизменными.

Когда разговор касался новых писателей, новых направлений и веяний в литературе, Николай Николаевич начинал волноваться:

«О чем пишут? Как пишут? Для кого?».

Быстро, нервно шагая по своему маленькому кабинету, задавал он вопросы.

— В наше время, когда мы писали, перед нашими глазами стоял многомиллионный трудовой народ; мы говорили перед его лицом, перед ним и ответ держали!..

Таковы были устои Златовратского...

* * *

Как я уже сказал, я прожил с Николаем Николаевичем в его Апрелевке 7 лет, — вернее, — 7 дачных сезонов, и у меня в памяти сохранилось много эпизодов, которые могли бы, кажется, поколебать веру идеалиста - народника. Расскажу о некоторых.

Я уже упомянул, что в летние теплые вечера мы с Николаем Николаевичем выходили с удочками на пруд для ловли карасей. У Николая Николаевича было излюбленное место, — на самой плотине, под ветлой стоял толстый березовый пень, на нем и усаживался Николай Николаевич.

Около нас постоянно присутствовал сын сторожа — Ванятка — мальчик лет 8-ми, он помогал Николаю Николаевичу в рыбной ловле, — насаживал червяков, помогал закидывать леску и, кажется, больше нас был заинтересован ловлей.

— А мы с вами больше созерцаем, чем ловим,— говорил Николай Николаевич, — да оно и хорошо, — приятно посидеть. Какие тут караси!..

Однажды в один из таких моментов тихого вечернего настроения, — перед нами на плотине появилась слегка покачивающаяся фигура в кумачевой рубашке. Фигура подняла картуз над головой и поздоровалась.

— Тебе кого надо-то? — спросил Николай Николаевич.

— К вашей милости, — с праздником пришел поздравить, — на чаек бы...

— Какой же сегодня праздник? — удивился Николай Николаевич, — сегодня суббота.

— Это верно; — а ко всеночной давно отзвонили, эна, и скотину прогнали, а потому...

— Постой, постой, — перебил его Златовратский — при чем же тут я? И за что на чаек?

— А за красоту! — ответил пришедший.

— За какую красоту? — Я ничего не понимаю.

Еще больше удивился Златовратский.

— А как-же? — глянь-ка, — лес-то зеленый, а ветлы-то как распустились? Ведь, сучья-то из нашей деревни брали; — чай помнишь, — у нашего пруда растут. Ну, и важно принялись! Эвона какие выросли!.. На чаек бы следовало...

Николай Николаевич сердито посмотрел на мужика и, чтобы отвязаться от него, послал его на дачу, а сам бросил удочку и ушел с плотины...

Еще случай:

Едем мы с Николаем Николаевичем на станцию полевой дорогой,—вдруг нам дорогу перегородил пожилой крестьянин, раскланялся и обратился с обычным «на чаек!», об'яснив при этом, что посторонним езда по полевым дорогам воспрещается, и что в его деревне об этом на сходке было постановление, и ругательски ругали тех, кто нарушает это правило, ругали за это и «барина Желтобратцева» (так некоторые крестьяне произносили фамилию Златовратского), — а он — молчал, не ругал, и за это ему следует «на чаек»...

Николай Николаевич стал усовещевать мужика: «Как тебе не стыдно? — Посмотри, какая у тебя большая борода!.. Ты, небось, уж дедушка?».

А потом вынул из кармана какую-то монету — и откупился...

Златовратский и не скрывал своего отношения к подобного рода крестьянам. — Когда нам приходилось проезжать подмосковными деревнями, он с грустью говорил: — «Ну, посмотрите, разве это крестьяне? — ни дворов настоящих нет, ни огородов, — хоть бы деревцо какое посадили, — словно они тут на время поселились! Вот возьмут завтра свои избушки и перенесут их на другое место, — им терять нечего, словно цыгане...».

Но если Златовратский среди крестьян последнего времени не находил положительных типов, то он искал их среди рабочего городского люда, среди тех, кто вышел из народа и не порвал с ним связи.

А. И. Волгужев

Вспоминается мне восторженный рассказ Николая Николаевича о слесаре-художнике Иване Алексеевиче Волгужеве. Этот слесарь добился звания настоящего художника. Кое-как перебиваясь на гроши, он посещал классы «Школы живописи и ваяния». Вот тут-то и произошел с ним случай, характеризующий этого рабочего человека.

Великий князь Сергей Александрович задумал запечатлеть в картинах красивые места своего имения «Ильинское», и потребовал прислать туда лучших учеников «Школы живописи».

Выбор пал и на Волгужева; и он отправился в Ильинское; когда же вернулся в Москву, рассказывал Николаю Николаевичу, как он прожил у великого князя.

«Привезли нас, помещение дали приличное, кто был пообтрепан, того одели почище, дали краски, кисти, палитры, — все как следует... Выбрал я уголок, пристроился, начал писать, а по саду разные графини да фрейлины разгуливают, — то та подойдет, то — другая, — разговоры заведут, — прямо мочи нет работать... Ну, кончили,— отбыли свою повинность, как крепостные. Забираю я свою картину, а мне придворные говорят, чтобы я эту картину преподнес великому князю, — он, дескать, вас поил, кормил, краски и кисти давал. А я и говорю: — возьмите свои кисти и палитры, а картины я не отдам! Так и уехал...».

Волгужев побывал за границей; там задумал он написать большую аллегорическую картину — «Город», но средств для жизни нехватало, — он вернулся в Москву, заболел и умер бедняком в больнице...

Волгужев написал очень удачный портрет Н. Н. Златовратского.

Н. А. Лазарев-Темный

С большой любовью относился Златовратский к другому самородку, — тоже слесарю, — писателю и изобретателю Николаю Артемьевичу Лазареву, с которым и я познакомился у Златовратского.

Но об этих интересных людях — о Гаврилове и Лазареве — следует рассказать отдельно...

Вот только такие-то люди и могли радовать сердце старого идеалиста-народника, но их было мало, — больше было типов отрицательных.

Да и время было тяжелое! — Златовратский перестал писать. Сердце его болело от тех репрессий, которые все больше и больше развивались после 1905 года.

Наконец, биение этого сердца сразу оборвалось 14 декабря 1912 года.

Похоронен Н. Н. Златовратский на Ваганьковском кладбище, в уголке писателей-народников; на могиле его сначала стоял дубовый крест, а к пятнадцатилетию со дня смерти Златовратского, поставлен гранитный памятник с барельефом писателя.

Памятник этот сделан по проекту сына Ник. Ник—ча скульптора Александра Николаевича Златовратского.

П. В. Засодимский

В 1909 году в Москву приехал другой видный писатель-народник Павел Владимирович Засодимский. Он жил в Опеченском посаде Новгородской

губ. С ним я встречался у Н. Н. Златовратского, — это был старик высокого роста и не смотря на свои 65 лет выглядел бодрым.

Уехавши из Москвы, Засодимский больше не возвращался в нее; он умер 3 мая (ст. ст.) 1912 г. в своем Опеченском посаде, где и похоронен.

Л. П. Никифоров

На субботах Н. Н. Златовратского я нередко встречал Льва Павловича Никифорова; он был дружен со старым писателем и в то же время близок к Л. Н. Толстому.

Фигура Льва Павловича — старика невысокого роста с острым взглядом живых, проницательных глаз из под седых бровей — обращала на себя внимание: он одевался в пальто из какого-то грубого домотканного сукна. Идя по улицам, он всегда читал какую-нибудь книжку, и так привык к этому, что, проходя по переполненным людьми тротуарам, никогда ни с кем не сталкивался.

В беседах он был оживлен, немного шипящим, но резким голосом он горячо говорил о земле, об экономическом строе России и мало касался литературы, хотя был причастен к ней и в последнее время жил только литературным трудом, — он переводил сочинения известного американского экономиста Герни Джоржа, со взглядами которого на земельный вопрос сходился и Л. Н. Толстой. Большинство трудов Льва Павловича издавалось фирмой «Посредник». Льва Павловича всегда преследовало царское правительство: то сажало в тюрьму, то высылало из Москвы; и дети его все погибли от царского произвола: один сын сжег себя в тюрьме, другой был повешен. Лев Павлович умер в 1918 г. и похоронен на Лазаревском кладбище в Москве.

Могилу его трудно отыскать, — на остатках поломанного креста можно разобрать только одно слово: — «революционер . . .».

А. И. Яцимирский

К народникам можно отнести и Александра Ивановича Яцимирского, много работавшего над литературой славянских народностей. Он собирал материалы и о русских писателях из народа. Ученые труды его пользуются известностью. Умер Яцимирский в годы революции . . .

И. Н. Розанов

К подобным Яцимирскому ученым исследователям русской литературы можно отнести и Ивана Никаноровича Розанова; среди его трудов не мало найдется исследований по народной литературе и о писателях из народа.

С. П. Под'ячев

К ныне живущим видным писателям из народа надо причислить, во-первых, старого писателя Семена Павловича Под'ячева; в его рассказах, напи-

санных прекрасным русским языком, видно огромное знание русской деревни.

Под'ячева редко можно встретить в литературных кружках Москвы, — он постоянно живет в своей деревне Обольянове, Московской губ., в которой писатель родился в 1866 году.

А. П. Чапыгин и *И. М. Касаткин*

Во-вторых, Алексея Павловича Чапыгина, который также редко бывает в Москве. В-третьих, Ивана Михайловича Касаткина.

Они, как и Под'ячев, происходят из крестьянского сословия. Чапыгин родился в 1870 г. в Олонецкой губ., в деревне Большой Угол, а Касаткин — родился в Костромской губ. в деревне Барановище. Всех этих писателей можно причислить к бытописателям народной жизни дореволюционного периода. Под'ячев, как родился в деревне, — так и остался в ней; Касаткин же — житель города, но и его тянет туда, откуда он вышел. Как-то при встрече он сказал мне, что ищет местечка где-нибудь в глуши, подальше от города, где можно было бы хоть летом отдохнуть...

Ф. Т. Гаврилов

Познакомившись у Н. Н. Златовратского с Гавриловым и Лазаревым, я близко сошелся с ними.

Отец Гаврилова — крестьянин слободы Павловской Звенигородского уезда — рано покинул деревню, переселился в Москву и работал в слесарной мастерской.

В Москве и родился Федор Тимофеевич Гаврилов 7 июня 1874 года.

Семья у отца Гаврилова была большая и часть ее жила в деревне, а часть — в Москве, ютясь по разным углам и каморкам — в тесноте, в нужде.

От этой тесноты маленький Гаврилов был отправлен отцом в деревню к дедушке, — там и протекло его детство.

Восьми лет мальчик пошел в школу слободы Павловской и окончил ее.

На 14-м году Гаврилова привезли в Москву и определили в железнодорожную мастерскую, где работал его отец. Здесь у него пробудилась любовь к чтению, а потом к писательству; — в это время он познакомился с детьми писателя-народника Н. Н. Златовратского и самим писателем, у которого часто бывал.

Хорошее это было время для молодого писателя, только еще вступавшего на литературный путь! — В обществе лиц, посещавших Златовратского, он слышал, как обсуждались разные вопросы: — о литературных направлениях, о положении писателя, о рабочем вопросе, разбирались новости литературы, вспоминались борцы за народную волю, — все это благотворно действовало и развивало ум, будило сознание в горячем юноше.

Очень многие, не один Гаврилов, были обязаны своим развитием старому писателю, всегда горячо

приветствовавшему всякое проявление сознательного движения мысли у выходцев из народа, — из рабочей среды.

По совету Златовратского, Гаврилов начал посылать свои стихи в журналы, где они и печатались, а к 1905 г. из стихов собралась порядочная книжечка, которая и была издана под названием «На заре. Из песен о тружениках». Первое стихотворение в ней «Грезы» было посвящено Н. Н. Златовратскому.

Из железнодорожных мастерских Гаврилов перешел на службу в Московское Губернское Земство. — Жизнь стала несколько свободнее, — полагался летний отпуск, который Гаврилов всегда использовал уезжая в деревню, где переживал лучшие моменты своей жизни, а по возвращении в город, воспроизводил пережитое в искренних стихотворениях.

«Здравствуйте, березки! Как вы здесь живете?
Вот пришлося снова мне увидеть вас!
Долго собирался, — да в нужде-заботе
Все не удавалось выбрать добрый час!
А уж как хотелось повидаться с вами,
Отдохнуть, мечтая, под веселый шум»...

Как просто, задушевно здесь высказано чувство радости городского человека при встрече с родными березками!

Но вместе с неясным, полным лиризма шопотом белых березок, поэт слышит и другие голоса, — слышит их в зеленом шуме этих же березок:

«Шумят березки молодые!
И полный бодрости их шум
Рождает грезы золотые
Среди моих печальных дум.
И снятся мне в дали грядущей
Картины лучших, светлых дней, —
Где ни нужды нет вопиющей,
Ни обездоленных людей!..»

Кто не помнит из старых москвичей, с каким под'емом, воодушевлением Гаврилов читал это стихотворение в дружеских компаниях. «Поэт березок» так и называли Гаврилова.

Кроме картин природы в стихах Ф. Т-ча много бытовых картин из жизни рабочих, с которыми он близко прикасался, работая в железнодорожных мастерских. Так, например, полны жизненной правды стихи: «Из песен тружеников», «В мастерской», «На койке», «На заработки», «Без места» и мн. др.

Как человек, Гаврилов был верным и добрым товарищем среди рабочих и среди пишущих людей. В дружеской компании он хорошо мог продекламировать стихотворение, спеть просто и задушевно песню.

Его мягкий характер, безобидное отношение к окружающим — оставили по нем добрую память у всех, знавших его.

Он был из тех людей, которые не могли приспособиться к жизни. Приходилось жить и бороться в то время, когда всякое проявление свободной мысли душилось произволом. Да и все эти

выходцы из народа находились в таком положении.

Кроме того, по существу, Гаврилов был медлительным человеком во всем, — он ко всему «подходил с мелочей», как он любил выражаться. А темп жизни в последнее время был чрезвычайно ускорен, — Гаврилов не мог поспеть за ним.

У всех подобного рода поэтов было только одно, что отчасти поддерживало их, примиряло с жизнью и давало минутную радость — это чувство поэзии с любовью к природе, от которой они были насильственно отдалены.

Они чувствовали, что «нет правды без любви к природе», и стремились к этой правде, и в ней только видели прекрасное.

Это прекрасное посещало их в лучшие минуты их жизни.

Гаврилов не раз испытывал это чувство при общении с природой, но в стихах его вместе с восторгом всегда смешивалась грусть, — «грусть, не приводящая в уныние, а животворящая, сладкая», как говорит В. А. Жуковский в своем определении поэзии.

Вот такая грусть и слышится в стихах Гаврилова.

... «Итак, в деревне я. В погожий день
На солнце греюсь, отдыхаю,
И грусть-печаль окрестных деревень
Надеждой сладкой отгоняю.
Ах, знаю я, что горя не избыть
Пустой мечтой, хотя и сладкой,

А все ж с мечтами легче пережить
Все наши скорби в жизни краткой...
Люби мечту, — в ней жизни красота...
Она огнем небес сияет,
В годину бед — свободна и чиста.
На подвиг душу окрыляет!..»

Гавриловым написано мало, но каждое его стихотворение было обдумано, перечувствовано, пережито.

Бывало напишет стихотворение и положит его, через год принимается за отделку, придет, прочитает, посоветуется...

В последнее время Гаврилова постигла тяжелая душевная болезнь: он сделался подозрительным, недоверчивым, не узнавал близких ему людей...

Его отвезли в деревню, думая, что родная природа укрепит его пошатнувшиеся душевные силы, но на этот раз природа не помогла. Его снова привезли в Москву, поместили в психиатрическую лечебницу, где он и скончался 2 декабря 1919 года.

Похоронен Гаврилов на погосте слободы Павловский, рядом с могилой его отца, где —

«Кругом родное все, к чему с любовью,
Всю жизнь мечтающий, стремился он...»

И мечты его сбылись, — он нашел себе покой, где:

«Звенят кузнечики и здесь и там, —
Между двух елочек, в кустах орешины
Поет малиновка — и песнь ея
О том мне чудится, чья неутешена
Была боль жгучая в дни бытия...»

Н. А. Лазарев-Темный

В мае месяце 1910 года, на Ваганьковском кладбище, в той части, где нет пышных мавзолеев и дорогих памятников над могилами богатых и знатных людей, где лежит большею частью трудовой народ, — хоронили монтера городских железных дорог Лазарева.

В небольшой кучке рабочих, провожавших своего товарища, было несколько человек с литературными именами.

На могиле говорились речи: кто-то отметил литературный талант покойного, кто-то сказал, что он мог бы быть миллионером, как изобретатель, но умер бедняком.

Поговорили и разошлись.

Через год на могиле Лазарева одним из друзей его был поставлен простой из серого гранита памятник с надписью:

Николай Артемьевич Лазарев
(Н. Темный)
Писатель из рабочих.

Родился 23 апреля 1863 года, умер 21 мая 1910 года.

Внизу стихи:

«Знал он рабочих тяжелые муки,
Сам человек был труда,
И успокоил уставшие руки
В темной земле навсегда!..»

А сверху, над надписью — бронзовый барельеф — портрет Лазарева, работы скульптора Александра Николаевича Златовратского — сына Н. Н. Златовратского. Лицо энергичное, черты грубоватые, но правильные, — открытый, умный лоб, густые волосы на голове и бороде. Таким энергичным и положительным я его и встретил в первый раз у Н. Н. Златовратского и узнал кое-что о нем. Отец его происходил из крестьянской среды. Семья Лазаревых была достатка среднего. Думать об образовании и воспитании детей в то реакционное время было нечего.

Отец, сам кое-как выучив сына грамоте, отправил его в Москву обучаться слесарному мастерству. Но мальчику хотелось знать больше того, что он получал, работая с раннего утра до поздней ночи в мастерских. Молодой Лазарев пристрастился к чтению, пополняя скудное образование, полученное от отца, — стал обучаться арифметике, грамматике, искал знакомства среди учащейся молодежи и случайно познакомился с семьей Златовратского, которая много помогла ему в его самообразовании.

Жизненный опыт, знание рабочей среды и отношения к ней эксплуататоров-хозяев, природная наблюдательность, трезвый положительный взгляд на все окружающие явления — вот качества, какими обладал Лазарев, накапливая наблюдения над рабочим классом; он задумал изобразить их в рассказе и первый свой опыт в виде рассказа из жизни

рабочих «Наследство» принес к Н. Н. Златовратскому.

Старый, опытный писатель сразу увидал серьезное отношение молодого автора к делу писательства и посоветовал ему этот рассказ послать в «Русское Богатство» Владимиру Галактионовичу Короленко.

Между прочим, Лазарев ни за что не хотел подписывать рассказ своей фамилией и, сообща с Златовратским, придумал псевдоним — «Н. Темный».

В. Г. Короленко заинтересовался писателем-рабочим; у них началась переписка, и рассказ был напечатан в «Русском Богатстве».

В это время в жизни Лазарева случился некоторый переворот. В рабочих массах чувствовалось брожение, недреманное око правительства следило за ними зорко.

В то время начальником охранного отделения в Москве был известный Зубатов, который всячески заигрывал с рабочими, особенно с металлистами, как наиболее развитыми и сознательными.

У Зубатова была выработана своя система улавливания неблагонадежных элементов среди рабочих: — он во все мастерские и заводы ставил своих агентов из рабочих же.

Такие агенты были посажены и в мастерские Александровской железной дороги, где работал Лазарев.

Зоркий глаз Лазарева сразу отличил «новых» рабочих, старавшихся завести дружбу со старыми,

и он не только не сходился с ними, но старался и своих товарищей предостеречь от этого сближения.

— Митюха! — ты не очень-то распускай слюни с таким-то, а то угодишь туда, откуда и не вылезешь, — сам попадешь и других утопишь! — бывало скажет Лазарев наедине кому-нибудь из своих товарищей, с которыми начинал «заигрывать» какой-нибудь «новый» рабочий. И, может-быть, благодаря этому, Зубатовская провокация не только не процветала в мастерских Александровской железной дороги, но и совсем заглохла.

Однако, высшие чины царской охранки раскусили в чем дело, а когда выяснили виновника, парализующего их действия, произвели у Лазарева обыск; — он в то время жил в Грузинах вместе с известным статистиком Иваном Павловичем Боголеповым, тоже «неблагонадежным» человеком.

Хотя у Лазарева при обыске не нашли ничего подозрительного, все же арестовали его.

Во время обыска Лазарев был спокоен, как всегда, и даже шутил:

— Ваше благородие, — там пыльно, — ордена запачкаете! — говорил он чиновнику-жандарму, который полез под кровать, что-то там разыскивая . . .

Продержали Лазарева под арестом в Москве несколько месяцев, пересылая из тюрьмы в тюрьму и допрашивая несколько раз.

Между прочим, был очень любопытный допрос по поводу одного письма, забранного у него во время обыска. Письмо это было написано Лазареву мной вот по какому поводу: мы — компанией — я, Лазарев и Златовратский собрались навестить поэта С. Д. Дрожжина в его деревне Низовке. Надо было сговориться о дне и часе от'езда, — вот по этому-то поводу я и написал письмо Лазареву. В письме я писал: «Дрожжин ждет; к нему приехали два знатных иностранца». Это место письма очень заинтересовало чиновников охранки, тем более в письме они прочитали вместо — «Дрожжин ждет» — «Дрожжин жует».

Лазарев, конечно, не мог раз'яснить эту бессмыслицу, не видя письма. Наконец ему показали мое письмо и он прочитал: «Дрожжин ждет». И этим рассеял недоразумение чиновников.

И о «двух знатных иностранцах» был допрос. Лазарев об'яснил, что к Дрожжину приехали из Германии известный немецкий поэт Рильке и Андреас Саломе — двоюродная сестра философа Ницше.

Тогда Лазареву возвратили письмо, которое он, в свою очередь, возвратил мне и рассказал историю допроса.

В. И. Дмитриева

После предварительного заключения и следствия, не пред'явив Лазареву никакого обвинения, выслали его в г. Воронеж, где он пробыл около двух лет, работая в слесарных мастерских; там он

познакомился с писательницей Валентиной Иововной Дмитриевой, с которой познакомился и я, когда она приезжала в Москву.

В. И. Дмитриева родилась в крестьянской семье 28 апреля 1859 г. Самоучкой подготовилась к поступлению в гимназию, после поступила на женские медицинские курсы.

Первый рассказ ее был напечатан в 80-х годах в одной из саратовских газет.

Ее произведения печатались в лучших журналах того времени: «Русском Богатстве», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Северном Вестнике» и мн. др. журналах и газетах.

Дмитриева и до сих пор не оставляет литературных занятий . . .

* * *

Вернувшись в Москву из Воронежа, Лазарев поступил на насосную станцию, а потом поступил на службу в ремонтные мастерские городского трамвая Сокольнического парка, в качестве монтера. Ему давалась небольшая квартирка, которая служила приютом всех безработных, всех выбитых из колеи жизни рабочих . . .

Кроме литературы, которой Лазарев уделял немногие свободные часы после работы, его влекло к изобретениям. Ему было известно, что почти все прядильные фабрики не только России, но и Европы, употребляют английские веретена, в выделке которых англичане не имеют конкурентов.

Лазарев заинтересовался веретенами и задумал изготовить их по образцу английских; — купил подержанный станок и принялся за работу. Работал долго, — да и вообще, за что бы он ни принимался, хотя бы это было маленькое дело, — он делал обдуманно, не спеша.

Наконец, два веретена были готовы; надо было их испробовать на деле. Веретена были посланы на две известные бумагопрядильные фабрики — на Прохоровскую в Москве и на Большую Ярославскую — в Ярославле.

Получились официальные отзывы от фабричных инженеров-механиков, что его веретена тождественны с английскими.

К Лазареву сейчас же явились предприниматели с предложением открыть завод для выделки веретен в России, но на все предложения Лазарев отвечал так:

— Ни с какими предпринимателями и частными лицами я дела иметь не буду; — я не хочу, чтобы трудами рабочих наживались миллионы. Пусть мне государство даст субсидию, я устрою завод на таких началах, чтобы каждый рабочий был полноправным членом предприятия. А на службу я ни к кому не пойду и увеличивать капиталов никому не желаю!» . . .

Конечно, над таким рассуждением Лазарева только посмеялись.

Так дело с веретенами и заглохло . . .

Изобрел Лазарев еще одну интересную вещь, — песочницу, для посыпки песком рельс на железнодорожных путях. И до лазаревской были песочницы, но не так усовершенствованы, как его.

И от этого изобретения Лазарев не получил никакой пользы: вышли недоразумения с чертежником, которому Лазарев поручил исхлопотать патент; — чертежник, рядом с фамилией Лазарева, поставил и свою фамилию, как изобретателя. Так и получился патент на два лица.

И это Лазарева не огорчило, — он сказал: — Ну, ладно! Я изобрету еще что-нибудь! — И предоставил безвозмездно Московскому городскому самоуправлению пользование его изобретением для оборудования московских трамвайных вагонов. И до сих пор все вагоны московского трамвая имеют песочницу Лазарева; — но едва ли кто из москвичей знает об этом?

Изобрел Лазарев еще несколько типов насосов, задумал сделать усовершенствованное междувагонное заграждение, но помешала болезнь, которая после нескольких месяцев, проведенных им в Екатерининской больнице, свела его в могилу.

Литературное наследие Лазарева не велико, — им было написано всего семь рассказов и один путевой очерк из путешествий по Кавказу.

Все рассказы при жизни автора были изданы отдельными книжками в издательствах «Донской речи», Раппа и Потапова в Харькове и «Посред-

ником». В свое время большинство из них были конфискованы за вредное направление.

Темы всех рассказов взяты Лазаревым из жизни рабочих, которых он, как высечено на памятнике, «знал тяжелые муки» и правдиво изображал их в художественной форме.

Когда ставился памятник на могиле Лазарева, я послал Н. Н. Златовратскому письмо с приглашением присутствовать при открытии памятника. В то время Златовратский был болен и не мог приехать на кладбище и написал мне письмо, которое, однако, не было мне отправлено и нашлось только в посмертных бумагах писателя.

Письмо это дает яркую характеристику не только одного Лазарева, но и всех тех выходцев из народа, к которым лежала душа старого писателя-народника.

Вот это письмо:

«Любезный Иван Алексеевич, очень жалею, что не мог вчера по нездоровью быть в кружке лиц, собравшихся почтить память так рано умершего Николая Артемьевича Лазарева, которого всегда вспоминаю с чувством искреннего уважения и изумления перед той удивительной энергией, с какой он стремился в тяжелых условиях (особенно в первую половину жизни) к свету знаний и возможности тем или иным путем дать исход своим недюжинным дарованиям и всегда кипевшему в нем живому стремлению к духовной защите людей труда и трудовой правды.

Ведь я не могу без умиления вспоминать, как он, бывало, лет двадцать тому назад, после 16-часового труда в мастерской, чуть не ежедневно прибегал ко мне вечером, чтобы кое-что узнать по арифметике, а там и по литературе, прочесть наскоро набросанные свои стишки, заметки, отвести душу в общей беседе, просиживая нередко до глубокой ночи, когда ему надо было вставать по гудку уже к 5 часам утра.

Да это ли только вспоминается, когда образы подобных тружеников с их стремлениями к свету и правде встают предо мною.

Придет время и память об этих пионерах трудовой народной массы будет восстановлена во всей ее полноте» . . .

На этом письмо обрывается.

Суриковский кружок

К началу 1900 г.г. писатели из народа стали об'единяться в официальные, зарегистрированные кружки, — так в 1902 году образовался «Московский товарищеский кружок из народа», который в 1903 году переименовался в «Суриковский литературно-музыкальный кружок».

Основателями и видными членами этих кружков были: Максим Леонович Леонов, Петр Александрович Травин, Филипп Степанович Шкулев, Егор Ефимович Нечаев, Михаил Васильевич Праскунин, Михаил Андреевич Логинов-Тихоплесец, Михаил Егорович Захаров, Григорий Поликарпович Попов-

Завражный, Михаил Ксенофонтович Савин, Николай Иванович Волков, Прохор Григорьевич Горохов, Иван Игнатьевич Морозов, Иван Васильевич Репин, Семен Попов, Иван Иванович Зачесов и другие.

Скажу несколько слов о каждом из этих писателей из народа, из которых многие живы и теперь.

О М. Л. Леонове я уже говорил раньше, но добавлю, что он после 1905 года уехал в Архангельск, где до дней революции издавал газету «Северное Утро» и был видным деятелем в Архангельске. В настоящее время Леонов находится там же на городской службе. В последнее время здоровье его сильно расстроилось.

П. А. Травин

С П. А. Травиным я познакомился около 30 лет тому назад, когда он вместе с своим отцом работал в столярной мастерской, где большею частью вырабатывалась дешевая мебель.

Травин писал стихи, рассказы, юмористику, подписываясь — «Дед-травоед». Он был издателем и редактором многих народных газет и журналов; как велика была его деятельность на этом поприще — доказывает список периодических изданий, выходивших под его редакцией.

Вот этот список:

«Простое Слово» — ежедневная газета.

«Молодая Воля» — еженедельный журнал.

«Новая Воля» — еженедельный журнал, — закрыт за вредное направление с арестом редактора на 1 месяц.

«Удаль» — сатирический журнал, — закрыт за вредное направление.

«Гроза» — сатирический журнал.

«Доля Бедняка» — газета, — закрыта судебной палатой с осуждением редактора на 2 недели ареста.

«Остряк» — сатирический журнал, — закрыт судебной палатой с привлечением редактора по 129 статье за призыв к ниспровержению существующего строя.

«Балагур» — сатирический журнал, — закрыт судебной палатой с осуждением редактора на 3 месяца тюрьмы.

«Доля Моя» — сатирическая газета, — закрыта с осуждением редактора на 1 месяц тюрьмы по 129 статье.

«Долина» — юмористический журнал.

«Сердце» — газета.

Все эти издания существовали очень недолго,— иногда прекращались с первого же номера.

Причин такого кратковременного существования было много: прежде всего цензурные запрещения, а вследствие их — административные кары: штрафы, тюрьма; во-вторых, буквальная нищета в средствах; в-третьих, слабый аппарат распространения: редакторы-издатели не только сами наполняли номера своих изданий, но даже помо-

гали в типографиях набирать их, и сами разносили свои идания по агентам и по городу.

Известно, что все газеты извлекали пользу, главным образом, из об'явлений. В изданиях же писателей-самоучек об'явлений было очень мало,— да и кто мог давать их в малораспространяемые издания?

Чтобы привлечь об'явителей, редакторы предлагали писать об'явления стихами, и кое-кто такие об'явления давал.

Для примера привожу одно такое об'явление-рекламу, помещенное в № 2 журнала «Ясный Сокол» от 22 июня 1908 года:

НА ПРОГУЛКЕ

Мы на прогулку с милым другом
Однажды за город пошли;
С лазури солнце улыбалось,
Жасмины, ландыши цвели.
Был купол неба чист и ясен,
По рощам пели соловьи,
Манило всех к отрадной неге
И к неизведанной любви.
Мы с другом жадно наслаждались
Простором девственных красот.
Вдруг тучи, тучи набежали,
Закрыв собою небосвод, —
И полил дождь... Укрыться негде —
Кругом ни зданья, ни ветвей,
Я не тужил, — мне было сухо,
Но друг промок мой до костей...
Вот дома мы. Мой друг в постели,
Его бьет кашель без числа,

Меня ж от кашля и простуды
Накидка от «Лурьи» спасла...
И вот мой друг, вздохнув глубоко,
Сказал мне громко слова три:
Чтоб больше мне не простужаться,
Куплю накидку у «Лурьи»...

Магазин М. М. Лурьи —
Москва. Маросейка.

Но такие об'явления были редки и мало приносили пользы изданиям.

Кроме того, Травин выпускал отдельными изданиями и свои произведения: «Думы» — стихи, «Крестный путь» — рассказы, «Водопады» — рассказы, «Думы и жизнь» — стихи и рассказы и др.

Травину приходилось жить в нелегальном положении и он не только сам несколько раз отбывал наказание в тюрьмах, но за редакторство и жена его отсидела в Бутырской тюрьме полгода.

Сидели в тюрьмах и некоторые сотрудники изданий Травина.

Ф. С. Шкулев

Филипп Степанович Шкулев родился в 1868 г. в бедной крестьянской семье. Отец его умер за несколько месяцев до его рождения. Мать осталась без всяких средств и, чтобы кое-как влачить свое существование и воспитывать сына, занималась поденной работой — стиркой белья.

Десятилетний мальчик — Шкулев — был отдан на фабрику, где он попал правой рукой в шестерню и на всю жизнь остался калекой.

Из больницы он попал в услужение в овощную лавочку, где пристрастился к чтению и сам начал пробовать писать стихи.

Первые его стихотворения были напечатаны в сборнике «Наша хата» в 1900 г. Сборник этот составил Сергей Васильевич Лютов, торговавший ваксой и спичками в маленькой лавочке на Варварке, под церковью Варвары-мученицы; как и Леонов, он собирал вокруг себя начинающих писателей и сам писал стихи и рассказы.

Шкулев, в зрелую пору своей литературной деятельности, также принимался за издание газет и журналов, — так им издавалась газета «Новая Пашня», — она была закрыта за вредное направление, — «Крестьянская Правда» и сатирический журнал «Рожок», который был не просто закрыт, а с осуждением редактора по 129 статье на 6 месяцев тюрьмы.

Шкулев известен, как автор популярнейшей теперь песни — «Кузнецы». Вот эта песня:

Мы — кузнецы и труд наш молод.
Куем мы счастия ключи!
Вздымайся выше, наш тяжкий молот, —
В стальную грудь сильней стучи!
Мы светлый путь куем народу, —
Мы счастье новое куем.
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем!
Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет.

И по полям родным и ярам [1])
Народ измученный встает!..

В этом стихотворении вылилось не только мировоззрение Шкулева, но и весь дух многомиллионного народа, решившегося подняться на борьбу с многовековым гнетом...

Стихотворение это впервые начали петь солдаты в окопах в русско-германскую войну в 1914 г.

В последнее время Шкулев поселился в своей деревне Печатники недалеко от Москвы; там он работал в местном сельсовете, но в конце 1926 г. его разбил паралич и навсегда оторвал от общественной и литературной деятельности.

Е. Е. Нечаев

С Егором Ефимовичем Нечаевым меня связывала долголетняя дружба. Помню его рабочим на стеклянном заводе Дютфуа на Бутырках.

Скромный, застенчивый он приходил ко мне поверить свои думы, проверить свои стихи, набросанные по вечерам, после заводской работы.

Я тогда удивлялся способности Нечаева схватывать и усваивать все размеры стихотворной формы и разнообразить ритм стиха—и это при полной почти неграмотности его. Он не был ни в каком училище, — его кто-то случайно выучил читать на дому.

---

[1]) Впоследствии Шкулев эту строку заменил следующим вариантом: «И по лицу земного шара».

Первым литературным наставником Нечаева был секретарь журнала «Русская Мысль» — Алексей Алексеевич Попов-Монастырский, который и сам писал стихи.

Попов много сделал для Нечаева, как человека, не получившего никакого образования и проведшего лучшие годы своей жизни на трудной работе в «гуте» стеклянного завода.

В то время поэту и думать было нельзя о каком-либо самообразовании, — надо было вставать по гудку чуть свет и кончать работу поздним вечером. Вот почему Нечаев первый сборник своих стихотворений назвал — «Вечерние Песни».

— Только по вечерам, когда все улягутся, я и мог писать, — говорил Нечаев.

Этот сборник был издан на средства Модеста Ильича Чайковского — брата композитора Петра Ильича Чайковского, — с которым Нечаев познакомился в г. Клину, когда работал там на стеклянном заводе.

При жизни Нечаев издал несколько сборников своих стихотворений и поэму из калмыцкой жизни «Сургаль [1] — все»; но кроме оригинальных стихотворений, он сделал много переводов, конечно, по подстрочникам, так как он, кроме русского, не знал ни одного языка, — из латышского поэта Райниса, из итальянской поэтессы Ады Негри, из белорусского поэта Янки Купалы и из украинских поэтов.

---

[1]) Сургаль — в смысле школы, просвещения.

В мае 1921 года справлялся 25-летний юбилей Нечаева. Торжественное заседание было устроено в летнем театре сада «Эрмитаж» в Каретном ряду; Нечаева чествовали как зачинателя пролетарской литературы. Присутствовали многие из старых и молодых писателей; из старых — П. Н. Сакулин, Ал. Серафимович, В. Л. Львов-Рогачевский, П. И. Лебедев-Полянский; из молодых: В. Т. Кириллов, М. П. Герасимов, С. А. Обрадович, белорусский поэт Янка Купала и мн. др. Были и старые сослуживцы юбиляра — рабочие со стеклянного завода.

По окончании юбилея присутствовавшие снялись группой в саду, около куртины, на которой находилась фигура А. С. Пушкина.

Е. Е. Нечаев подарил мне снимок этой группы со следующей надписью:

«Мой друг, — ирония судьбы: —
Мы Пушкина любили, но дичились, —
Он барин был, а мы рабы...
Но вдруг — под ним мы очутились!..»

Под конец жизни Нечаев начал писать прозой и приготовил I том своих рассказов из жизни рабочих-стеклянщиков. Умер Нечаев 23 ноября 1925 года, 67 лет от роду.

Незадолго до смерти он уехал в Павловский посад погостить к своей замужней дочери. 23 ноября утром он написал мне письмо, сам понес на почту и отправил его; вернувшись домой, он почувство-

вал себя дурно и, не приходя в сознание, скоропостижно скончался.

Вот его последнее письмо ко мне, написанное за несколько часов до смерти:

Бежал я снова в «Жен'отдел» [1]),
Вернуться скоро и не чаю: —
То спорю с внучкой, то качаю,
Порой пою, порой скучаю.
Два-трижды ем, — помимо чая,
От сна и лени растолстел...

Дорогой Иван Алексеевич, очень прошу известить меня денька за два о юбилее Ф. С. Шкулева. Я сейчас внучке своей заменяю мать: — Тося больна — она прикована к одру больничной койки на три недели. Я положительно ничего не делаю, — занят целыми днями мелочами няни. Если хотите отдохнуть денька два, приезжайте в Павловский посад, — здесь не Москва, — доступность во всем чрезвычайная.

Ваш Е. Нечаев.

А сбоку приписка:

Привет семье и друзьям. Дорогой, приезжайте в любое время, — буду братски рад вас видеть...

Похоронили Ег. Еф—ча 29 ноября на Ваганьковском кладбище рядом с могилами Неверова и Ширяевца.

На могиле говорили речи товарищи-писатели и один старый рабочий-стеклянщик, работавший с Нечаевым еще в молодости на заводе.

---

[1]) Ег. Еф-ч очень любил свою внучку и был ей вместо няньки.

М. В. Праскунин

Михаил Васильевич Праскунин — сын крестьянина Рязанской губ., Зарайского уезда — родился в 1877 г., обучался в церковно-приходской школе, работал с отцом по крестьянству, потом на Коломенском машино-строительном заводе.

Писать начал поздно — с 27-летнего возраста. Первое стихотворение напечатал в 1904 году в журнале «Досуги Заамурца».

В Москве присоединился к кружку писателей из народа, сотрудничал во многих народных журналах и газетах.

За помещенные им в журнале «Рожок» два стихотворения и за свой сборник «Злые песни», который был конфискован в типографии до выхода в свет, Праскунин был осужден по 129 и 74 статьям, «за призыв к ниспровержению существующего строя» и за богохульство — к двум годам крепости и отбыл это наказание в Бутырской тюрьме.

Одно из этих стихотворений было озаглавлено: «Пей!».

— Пей, казна вином торгует,
Каждой сотке даден герб.
Кто не пьет, — тот в явь ворует
И живет стране в ущерб.
Пей! — евангельский сын бога
В Кане брак благословил: —
От лачуги до чертога
Пей, кути, крещеный мир!..

Под могучий звон церквей,
Нищий — колосс, больше пей!..

Только в 1918 году Праскунин мог издать свою книгу стихов под названием «Полынь на родных полях».

В Москве Праскунин пробивался кое-как, — между прочим, он служил швейцаром у одного Замоскворецкого купца. Купец из «просвещенных», — занимался пением, музыкой, но это ничуть не мешало ему временами проявлять свой крутой купеческий нрав.

Однажды купец с какого-то кутежа вернулся домой довольно поздно — вернее — рано, под утро и, найдя в швейцарской какие-то беспорядки, учинил с швейцаром Праскуниным расчет по-своему — с рукоприкладством. Праскунин дал купцу сдачи, лишился места и уехал в деревню, где живет и теперь, изредка наезжая в Москву.

Стихи Праскунина сильны и образны, его среди поэтов из народа можно поставить в первую линию.

Он не из тех, которые гнутся под тяжестью жизненных условий и жалуются на свою «горе-долю», — он и раньше верил в торжество трудящегося люда, если говорил:

«Пусть мозолят плоть сермяги,
Хнычет временем душа, —
После мук мы выпьем браги
Из червонного ковша!..»

Г. П. Попов-Завражный

Григорий Поликарпович Попов-Завражный — крестьянин Тульской губ., Веневского уезда, родился в 1867 г. До 16 лет помогал отцу в крестьянских работах, а с 16 лет жил в Москве в самых разнообразных должностях, — был рабочим на фабрике, служил сигналистом на Александровской жел. дороге, извозничал, изучил бухгалтерию и занимал место бухгалтера, редактировал газеты «Сеятель» и «Народную Правду», был экспедитором в газете «Утро».

В 1910 году вышел первый сборник его рассказов «В народе».

На Попова-Завражного обратил внимание, как на писателя, Павел Никитич Сакулин, который предложил «Обществу Любителей Российской Словесности» избрать Попова в действительные члены. В 1912 году он был избран в члены этого старейшего литературного общества.

В июле 1921 года Попов был командирован для сопровождения груза в Ташкент. Возвращаясь оттуда в Москву, в пути он простудился, заболел и умер в вагоне 8 ноября 1921 года; похоронен близ станции Актюбинск...

П. Г. Горохов

Прохор Григорьевич Горохов—тоже крестьянин Малоярославецкого уезда, так же, как и другие, попал в Москву и испытал все перипетии пролета-

рия: работал водопроводчиком, потом на заводе Зингера, а в конце-концов возвратился в свою деревню, где и умер в 1925 году.

Как поэт в общем масштабе, Горохов не имеет никакого значения, — но две его песни: «Бывали дни веселые, — гулял я, молодец!..» и «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой», — восприняты народом и распеваются теперь повсюду.

Одна из этих песен послужила сюжетом для кинодрамы, а также и воспроизведена на граммофонных пластинках.

М. К. Савин

Михаил Ксенофонтович Савин—сын крестьянина Калужской губ. Отец его работал пекарем в Москве, куда привез и сына. Здесь Савин, работая вместе с отцом, познакомился с некоторыми членами «Суриковского кружка», к которому и примкнул.

В 1902 г. появилась его первая книга стихов «Песни рабочего».

Любя деревню, крестьянский труд и природу, Савин сблизился с городским пролетариатом и в своих стихах дал характерные картины быта городских рабочих.

Н. И. Волков

Николай Иванович Волков — крестьянин Тверской губ., Калязинского уезда — пошел по той же

дороге, как и большинство писателей из народа, — 12 лет привезен в Москву, попал в «мальчики» при торговле, потом сделался приказчиком, — но ни коммерция, ни торговля не убили в нем того, что было в нем заложено от природы, он стал поэтом и выпустил книгу своих стихов «Озимь». Стихи Волкова звучны, образны и верно описывают крестьянский быт и природу, так как поэт не порвал своей связи с деревней.

И. И. Морозов

Иван Игнатьевич Морозов — крестьянин Рязанской губ., Зарайского уезда, родился в 1883 году и только 20 уже лет попал в Москву, где пошел по «служилой» части и в настоящее время Морозов служит на Октябрьской жел. дороге.

Книга стихов его — «Разрыв трава» — была издана с предисловием Максима Горького.

В этом предисловии М. Горький высказывает свой взгляд вообще на выходцев из народа — русскую демократию.

«Мы живем среди народа, по природе своей даровитого и вот факт, неоспоримо подтверждающий это: ни одна страна Запада не дает столь высокого процента самоучек-писателей, техников, основоположников различных сект, а если это явление возможно в столь отвратительных и тяжких для развития человека условиях, каковы условия русской жизни, — мы имеем право верить в даровитость и силу духа нашего народа.

Нужно ли говорить о том, что у русской интеллигенции нет более верного друга и соратника, чем русская демократия.

Поэтому одинокие люди с вершин жизни должны внимательно следить за одинокими людьми, восходящими к ним снизу, следить и облегчать трудный путь для идущих — многие из них, — как, например, Морозов, — идут к великой, всем общей цели, с прекрасной песней:

Блажен, кто сердцем изнывал,
Скорбя по светлым идеалам,
Кто шел навстречу братьям малым,
На путь добра их призывал!

В сердцах грядущих поколений
Он будет жить из века в век,
Призванью верный человек,
Землей рожденный добрый гений.»

Этими стихами Морозова Горький и заканчивает свою статью о нем... Стихи Морозова отличаются большей грамотностью и в этом отношении могут служить примером для других поэтов из народа.

В стихах Морозова нет новшеств, нет в них и гражданских мотивов, — Морозов — лирик — певец природы, «певец своей печали»...

В последнее время Морозов появляется в печати очень редко.

И. В. Репин

Иван Васильевич Репин — крестьянин Ярославской губ., в молодости писал стихи и помещал их

в сборниках, издаваемых кружками писателей-самоучек, но стихи не удовлетворили его и он начал писать прозой. Его небольшие рассказы и миниатюры обратили на себя внимание крупных русских писателей, с большинством которых Репин был в дружеских отношениях. Многие писатели в минуты жизни трудные находили у него материальную поддержку.

Сотрудничая в небольших журналах и газетах, Репин выпустил свои стихи совместно с П. Г. Гороховым и А. А. Кузнецовым; сборник этот носил название: «С родных полей»; а в 1922 году в Харькове была издана книжечка его миниатюр в прозе.

Любовь к литературе и к литературным людям у Репина большая; он любитель собирать автографы писателей и его альбомы представляют большой интерес...

В альбомах Репина находится очень много автографов и старых и новых писателей: М. Горького, В. В. Вересаева, Ив. Бунина, Гусева-Оренбургского, Скитальца, П. С. Когана, Н. Д. Телешова, Алек. Толстого, К. Балтрушайтиса, Е. Н. Чирикова, С. Д. Дрожжина, И. С. Шмелева, А. Серафимовича, Демьяна Бедного, Андр. Соболя, С. П. Под'ячева, Ф. С. Шкулева; а из новых: С. А. Есенина, Б. Пильняка, П. В. Орешина, В. Г. Лидина, Мариенгофа и мн. других.

Это доказывает, какая огромная связь была у Репина с литературным миром, и если бы он записывал о своих встречах с писателями, — это

могло бы представить большой интерес и дало бы характеристику многих писателей-современников, и, может быть, вскрыло бы их с той стороны, с которой они для многих неизвестны...

С. Попов

О Семене Попове мало сведений; известно только, что он служил половым в трактире и выпустил книжку своих стихов под названием «Хитровка», — о ней, пожалуй, редко кто и знает. Но все же и он прошел свой путь не бесследно: несколько строк из его стихов и сейчас попадаются в современных хрестоматиях, — например:

«Стоп, машина! — дело встало,
Ни туда, и ни сюда!
Ты — хозяин капитала,
Мы — хозяева труда!..»

М. А. Логинов-Тихоплесец

Более оригинальный и интересный тип писателя-пролетария представляет собой Михаил Андреевич Логинов-Тихоплесец; он уроженец Казанской губ., Свияжского уезда, села Тихий Плес, — отсюда и псевдоним — Тихоплесец.

С раннего детства судьба начала швырять его в разные стороны, — сначала по деревням — подпаском, потом по волжским городам и пристаням — чернорабочим, грузчиком...

Около 16 лет Тихоплесец попадает в Москву, где ему удается пристроиться рабочим в аптеке.

Эта работа дала ему возможность научиться производству мыла, клея для склеивания посуды, карандашей для выводки пятен, — и эти знания впоследствии послужили ему средством к существованию. К двадцатилетнему возрасту он стал сам производить мыло и продавать его по мелочным лавкам.

Вместе с тем он занимался рисованием, музыкой и писанием стихов.

Одевался он оригинально: носил какой-то плащ, широкополую шляпу, волосы зачесывал «по-горьковски» и вообще, кто знал Горького только по портретам, тот легко Тихоплесеца смешивал с ним.

Когда в Москве была Русско-Французская выставка, Тихоплесец как-то познакомился с приезжими французами и, после окончания выставки, неожиданно для себя уехал со своими новыми знакомыми в Париж.

В Париже жил кое-как перебиваясь, главным образом его выручали картины, которые он продавал по пяти франков.

Пробовал он наниматься в дворники, но места себе не нашел, так как не знал французского языка — и опять очутился в России.

Дух бродяжничества в нем сидел крепко; как только наступала весна, его тянуло из Москвы на родную Волгу. Не долго думая, он отправлялся в какой-нибудь приволжский город, нанимал себе дешевую каморку и открывал свою химическую фабрику. На вырученные от продажи своих изде-

лий деньги покупал билет на пароход, садился и ехал дальше; делал остановки в пути, ловил рыбу, скитался по пристаням, ярмаркам, базарам.

Когда истощались все средства к существованию, он опять останавливался в каком-нибудь городе и опять открывал свою фабрику.

Так проводил он все лето, а к осени являлся в Москву, — здесь он превращался в издателя, — находил какую-нибудь дешевую типографию и начинал издавать газету или журнал, на деньги, собранные у своих друзей-приятелей по 2 по 3 рубля.

Редакция была тут же, при типографии. Редактор сам помогал печатать и брошюровать, сам и разносил свое издание по газетчикам.

Однажды, впрочем, у него была отдельная редакция; помещалась она в старой, заброшенной дворницкой; никакой обстановки в ней не было, — только обрубок дерева вместо стула, да ящик вместо письменного стола.

Так Тихоплесец начал издавать газету «Мужицкая Правда», но она была закрыта администрацией за вредное направление; тогда он организовал издание журнала «Звезда Утренняя»; конечно, эти издания и по административным и по материальным условиям долго существовать не могли, — они закрывались или властями или сами собой...

При жизни Тихоплесцем были изданы две книги: «Аккорды» — сборник стихов и «Звенья» в 1912 г. — сборник рассказов.

Незадолго до смерти Тихоплесец послал М. Горькому книжку своих рассказов «Звенья», и получил с Капри от Горького следующее письмо:

> «Уважаемый Михаил Андреевич! — «Звенья» еще не прочитал, но часть рассказов этой книжки знакома мне, — читал их в разных изданиях. Меня очень радует и трогает каждый раз, когда «люди трудовой жизни», подобные вам, не теряют веры в себя и людей, и тратят все силы души на работу освобождения ближних из мрака и горя.
>
> Будьте здоровы, не теряйте веры в себя и жизнь, а остальное все приложится. Жму руку.
>
> А. Пешков».

Понятно, что мог почувствовать безвестный бедняк-писатель, получивши такое письмо от большого писателя.

Умер Тихоплесец в одной из московских больниц 6 октября 1912 г. и похоронен на Пятницком кладбище, недалеко от могилы И. З. Сурикова.

А. П. Широков

Александр Павлович Широков, — урожденец Ярославской губ., — был привезен в Москву и отдан в услужение в трактир, где он сначала мыл посуду и был на побегушках, а потом сделался половым; но эта должность ему не понравилась, он ушел от хозяина и начал торговать старыми книгами в разнос.

Постоянная нужда, бесприютность, голодовка вот спутники жизни Широкова, и такая жизнь рано

свела его в могилу: он умер в одной из московских больниц 30 лет от роду, и неизвестно где похоронен.

При жизни Широков издал книжечку своих стихов под названием «Первый аккорд». В одном из своих стихотворений он так рисует свою жизнь:

Я в нужде родился
И в нужде живу,
С горем я сроднился, —
Счастье не зову.
Знаю, что придется
Мне всю жизнь мою
С злой судьбой бороться, —
Долю клясть свою...

С. Е. Бодрягин

Таким же тружеником-неудачником был поэт Сергей Егорович Бодрягин — газетчик.

Его всегда можно было видеть у Москворецкого моста и Городских рядов предлагающим газеты прохожим.

Печатался Бодрягин в народных изданиях, в мелких газетах и журналах. Стихи его были звучны и содержательны.

И. М. Юрцев

Иван Матвеевич Юрцев родился в 1871 году; он хотя и сын крестьянина, но с деревней был связан мало; ребенком он был привезен в Москву, где отец его торговал в мелочной лавочке.

Учился Юрцев в городском училище; там он познакомился с произведениями русских классиков и сам начал пробовать свои силы в литературе. Печатался большею частью в провинциальных изданиях.

В последнее время Юрцев от стихов перешел к прозе.

Г. Ф. Коньков

Собрания писателей-самоучек происходили большею частью в отдельной комнатке какого-нибудь третьеразрядного трактирчика или чайной.

Кругом — гам, шум, звяканье посуды; от махорочного дыма — зеленый туман, а они, собравшись в уголке, ничего не замечают, — они живут в другом мире, — в мире литературы — стихов.

Изредка на этих собраниях мне приходилось встречать кроткого, задумчивого человека, лет 20; это был поэт Герасим Федосеевич Коньков; он, как и большинство из писателей-самоучек, был привезен из деревни в Москву, и пристроен на службу в одном из ренсковых погребков мальчиком; потом он дошел до звания приказчика и торговал в ренсковом погребе на «Драчевке», в то время населенной всевозможными притонами, «вертепами», домами разврата, кишащими проститутками, ворами, скупщиками краденого...

Как должна быть тяжела и противна окружающая обстановка этому больному чахоткой человеку!

Полутемное, сырое помещение, заваленное ящиками с водкой, с поминутно отворяющейся дверью, впускающей и выпускающей полупьяных покупателей . . .

И вот в этой обстановке с утра до вечера сидел этот кроткий, задумчивый человек, в свободную минуту прильнувший к книжечке или к тетрадке, в которую наскоро записывал свои думы.

Не надолго хватило сил у Конькова, чтобы выносить такую жизнь и она оборвалась у него 1 сентября 1895 года; умер он 24 лет от роду.

Написано Коньковым немного; стихи свои он помещал в небольших провинциальных журналах, газетах и сборниках.

Главные мотивы поэзии Конькова — картины и быт деревни, которую он покинул с 10-летнего возраста и любовь к которой сохранил до самых последних дней своей жизни.

Ароматом благовонным
Дышет летний вечерок;
По вершинам леса сонным
Бродит тихо ветерок.
В чаще леса молчаливой,
В листьях дремлющих берез,
Притаившися стыдливо,
Блещут капли светлых рос.
С неба ль вы, росинки-слезы,
С тайной грустью пролиты?
Или плакали березы,
Вас роняя на листы? . .

Вот о чем думал поэт среди шума и гама кабацкого.

П. П. Филимонов

К молодым писателям из народа начали примыкать и старики, — так, когда стали организовываться литературные кружки, к ним примкнул уже убеленный сединами поэт Петр Прокофьевич Филимонов.

В молодости он работал на фабрике серебряных изделий, где один грамотный рабочий выучил его читать.

Старик Филимонов с большой любовью относился к молодежи, — всячески поддерживал ее и морально и материально. «Старый дуб», «Дедушка» — вот как называли его молодые писатели.

Филимонов ничем не выделился в писательстве и заметного следа в литературе не оставил, но память о нем как о добром, отзывчивом человеке живет и до сих пор среди оставшихся в живых, — теперь тоже уж стариков — писателей из народа.

Умер Филимонов в 1920 г. около 85 лет от роду.

М. И. Ожегов

Другой, примкнувший к кружку, был Матвей Иванович Ожегов; он родился в 1860 году; первое стихотворение напечатал в «Московской Иллюстрированной Газете» в 1890 году. Сотрудничал в провинциальных журналах, издал книжечку своих стиход под названием: «Моя жизнь и песни для народа».

Кроме того, Ожегов занимался составлением лубочных песенников для народа, в которые брал стихи наших известных поэтов, распеваемые, как народные песни, — но брал не просто, как они есть, а переделывал их, видимо, стараясь придать им «народный дух». Под этими стихами в песенниках стояла подпись: «Исп. Ожегов». Некоторые товарищи тогда подсмеивались над этим и спрашивали: что это значит, — исправил, или испортил?

М. И. Ожегов жив и до сего времени; почтенный старик — он все также любит песни и в дружеской компании поет их.

Т. В. Поздняков

Из провинциалов — старых членов Суриковского кружка — можно отметить Тимофея Васильевича Позднякова. Он из крестьянской семьи Владимирской губ. Выучившись у полуграмотного крестьянина грамоте, он уже по своей воле прошел «Горьковские университеты», работал на фабрике, служил в прачечной, был ламповщиком, конторщиком, бухгалтером, корректором, земским статистиком. Писал рассказы, стихи, и много работал по этнографии и фольклору, собирая народные песни, сказания, поверия.

И. И. Зачесов

В начале 80-х годов в кружок вошел Иван Иванович Зачесов; он начинал писать стихи, но они у него не выходили, тогда он принялся за прозу.

Зачесов долгое время служил у менял; в то время на Ильинке было много меняльных лавок, где разменивались, главным образом, до срока обрезанные купоны с процентных бумаг и серии тоже с ранее срока обрезанными купонами. Скупали эти менялы и, так называемое, «слепое» серебро; в то время в хождении находились монеты времен Елизаветы, Екатерины; монеты были сделаны из мягкого сплава, а потому чеканка их стиралась и трудно было разобрать какая монета была пятиалтынным, двугривенным или четвертаком.

Менялы были большею частью скопцы; эта секта преследовалась правительством и они свои собрания тщательно скрывали, — их молельни помещались в глухих подвалах и др. тайниках Замоскворечья, где менялы в большинстве имели свои собственные дома-особняки.

У одного из таких менял-скопцов и служил Зачесов и жил в его доме; он хорошо знал быт уже исчезнувших типов.

Из жизни скопцов Зачесов написал ряд очерков под названием «Менялы». Очерки эти печатались в небольшой газетке «Вестник», издаваемой Ф. А. Гиляровым-Платоновым, за подписью «Ив. Волин».

Эти очерки теперь могли бы представить большой интерес, как картины прошлого, ушедшего быта Москвы.

Зачесов сотрудничал в журналах «Родина», «Звезда» и некоторых провинциальных изданиях.

Жил в последнее время на даче при станции Лосино-Островская, там он в 1909 году и покончил с собой по неизвестным причинам. Похоронен на кладбище села Медведкова.

А. Н. Севастьянов

До первых лет революции дожил еще один горемыка-поэт — Александр Николаевич Севастьянов; — это был кроткий, болезненный человек, обремененный большой семьей, он вечно перебивался, вечно нуждался; но крепко любил литературу и до последних дней оставался ей верным.

Сойдешься, бывало, с ним, — он не будет говорить о том, что семья голодает, что детей не во что обудь-одеть, — у него одно только — стихи, поэзия.

Печатался Севастьянов во многих провинциальных изданиях и в столичных газетах и небольших журналах. При жизни он не успел выпустить ни одного сборника своих стихов, а написал он их очень много.

Умер Севастьянов в 1919 году.

И. А. Назаров

Из провинциалов, примкнувших к московским литературным кружкам писателей-самоучек, следует отметить Ивана Абрамовича Назарова; он уроженец г. Суздаля, родился в 1878 г. Отец его содержал постоялый двор. Писать стихи Назаров

начал еще мальчиком, а в 1908 г. выпустил книжку стихов и рассказов «Жизнь и песни».

С 1912 по 1915 г. выпустил ряд альманахов, с произведениями писателей из народа под названием «Пробуждение».

Писал очень много в провинциальных изданиях под разными псевдонимами: И. Клименко-Клименковский, И. Славянский, И. Назаренко, Дед Весь, Неведомый и др.

И. П. Малютин

К таким же, как Назаров, жителям провинции, не порывающим связи с литературной Москвой, можно отнести Ивана Петровича Малютина. Он сын крестьянина Новгородской губ. Череповецкого уезда, родился 11 апреля 1874 года; до 18 лет занимался крестьянством. В 1892 г. поступил на фабрику Б. Ярославской мануфактуры. Переменив несколько должностей, работая на Сибирской ж. д., на маслодельном заводе, занимаясь торговлей книгами, Малютин через 20 лет вновь вернулся на прежнее место в Ярославль, где и проживает до ныне, занимая место библиотекаря рабфака при фабрике «Красный Перекоп». Печататься Малютин начал с 1910 г.; стихи и рассказы его появлялись большею частью в провинциальных изданиях. Он, убеленный сединами, сохранил детскую чистую веру в литературу и в ее представителей, — он вел и до сих пор ведет большую переписку со многими писателями. В архиве его можно встретить письма

Короленко, Горького, шлиссельбуржца Н. А. Морозова, Под'ячева, Дрожжина, В. Иванова и мн. др.

Малютин верит в русский народ, — верит в силу его способностей, в силу его труда, и вот что он говорит:

«Тебе дан разум, значит, не говори, что университетов не кончил. Университет — сама жизнь, а книги — профессора. Учись и будь честным, культурным человеком» . . .

М. Е. Захаров

Почти у всех писателей-самоучек, в мотивах их поэзии, кроме личного переживания горя и нужды, слышались и иные мотивы, — призывы к свободе, чаяния всеобщего братства.

Хорошо бы теперь отдохнуть, —
От тяжелой борьбы непосильной,
Сном покойным под сенью могильной
Хорошо бы на веки заснуть!
Неужель пропадут без из'ятья
Всех великих идей семена?
Неужель не придут времена —
И не станут все люди, как братья? . .

Так писал поэт Михаил Егорович Захаров; он тоже выходец из деревни; в Москве служил наборщиком в типографии, где и познакомился с русской литературой, сам начал писать стихи и в 1895 году выпустил книжку своих стихов.

Умер Захаров в 1912 году.

Припоминая жизнь многих писателей-самоучек, жизнь, полную лишений, невзгод, труда и горя, изумляешься перед той безграничной любовью к литературе, ради которой они жертвовали всем. Многие из них сознавали, что все, о чем они пишут — не ново, и что об этом писали раньше другие и писали лучше, но те искорки прирожденного таланта не гасли в них и заставляли делать любимое дело до конца.

Вот как определяет это положение И. М. Юрцев в своей автобиографии:

«Я знаю, что имени писательством не составлю, что навсегда останусь тем безвестным писателем-простолюдином, которых без меня так много. Быть может, и причисление себя к писателям есть дерзость, но все-таки писательства я не брошу, потому что в этом я нахожу отдых, возвышающий нас самообман над обыденщиной и однообразием жизни, и кроме того, невидимую, но неразрывную связь со своими друзьями — такими же, как я, — скромными тружениками пера» . . .

Л. Н. Толстой отличал художественные произведения по трем признакам: на первое место он ставил тему, на второе — любовь и на третье — технику.

В произведениях старых писателей из народа на первом месте стояла любовь к литературе, темы же их произведений были однообразны и узки, — дальше природы, да нужды и горя деревенской жизни они не шли. Писатели же из рабочих,

которые представляли городской пролетариат, в своих стихах и рассказах рисовали, насколько это было возможно, свою придавленную жестоким царским произволом и капиталом жизнь.

Это будет понятно, если подумать в какое тяжелое время им приходилось жить и творить.

На стиль, на внешнюю отделку произведений писатели из народа мало обращали внимания, а потому очень у немногих из них выходили гладкие стихи.

В наше время техника писательства далеко подвинулась вперед, но эта техника и до сих пор недоступна массовому читателю. Вот почему мы видим, что простые, бесхитростные стихи, перешедшие в народные песни, брались только у старых писателей, из произведений же писателей последнего периода народ почти ничего не берет, а если и берет, то на очень короткий срок; песни же старых писателей живут чуть не сотни лет.

Наблюдая нравы новых писателей, замечаешь одно новое свойство, незнакомое старым писателям из народа, это — смелость: напишет новый писатель из селькоров или рабкоров 2—3 стихотворения и сейчас же посылает их в столичные журналы с требованием гонорара. Если ему откажут в журнале, он напечатает свои стихи в какой-нибудь провинциальной газетке и начнет обвинять редакторов столичных журналов в генеральстве и бюрократизме.

Прежние писатели были скромнее: — пошлет писатель-самоучка в какой-нибудь небольшой журнальчик свои стихи, о гонораре и не заикнется, только попросит выслать ему тот номер журнала, в котором будут помещены его стихи.

А если такому писателю-поэту придется самому заглянуть в редакцию, он скромно отворит дверь и спросит:

— Стихов надо?

А ему в ответ, молча, махнут рукой, словно нищему откажут в подаянии.

Много терпели старые писатели и от цензуры.

Цензура того времени зорко следила за своим делом: — она сковывала всякую вольную мысль, всякое слово о свободе. Особенно у ней было много работы, когда перед первой попыткой революции, перед первым веянием свободы в 1905 году, сознание народа начало просыпаться и выливаться наружу, и цензуре надо было его сдерживать.

Как тщательно цензура просматривала все, что попадало к ней в руки, можно судить по рукописи, побывавшей в цензуре в 1905 году и случайно сохранившейся у меня.

Это — рукопись сборника «Огни», предпринятого к изданию «Народным Кружком» писателей из народа; содержит она в себе 27 рассказов, стихотворений и статей, из которых цензор оставил нетронутыми только 5 стихотворений — самых безобидных, а во всем остальном красные чернила

цензора прошлись или по всем статьям или по части их.

Что же вычеркивал цензор?

Возьмем характерные места, например, в стих. Н. Клюева.

«Пусть я в лаптях, в сермяге серой,
В рубахе грубой пестрядной,
Но я живу с глубокой верой
В иную жизнь, в удел иной...
Века насилья и невзгоды,
Всевластье злобных палачей,
Желанье пылкое свободы
Не умертвят в груди моей.
Наперекор закону века,
Что к свету путь загородил,
Себя считать за человека
Я не забыл, я не забыл...»

Средина этого стихотворения — все 4 строки зачеркнуты, а в последнем куплете зачеркнута строка:

«Что к свету путь загородил».

В стих. Е. Смирнова зачеркнуты строки:

«Пускай воинственное пламя
В семью нас тесную сольет,
Мы будем биться с тьмой насилья!..»

В этом же стих. зачеркнута одна строка:

«Уж скоро, скоро минет ночь...»

А в первой строке последнего куплета: «Вперед! Забудем же страданья...» — зачеркнуто слово — «Вперед!».

В стих. Власа Тихого «Звучи, моя песня» зачеркнут 2-й куплет:

«Звучи, моя песня, не скорбью унылой,
Не шопотом тайной мольбы, —
Ты вольным напевом, могучею силой
Расторгнешь оковы судьбы».

Зачеркнут и самый конец стихотворения:

«Довольно! — мы долго томились и ждали, —
К нам дни обновленья идут!..»

В другом стих. Н. Клюева «Мужик» зачеркнута большая половина и, между прочим, следующие строки:

«Эх, ты — жизнь наша — долюшка злая!
Безответный удел мужика!
Ты откуда явилась, лихая, —
Подневольная жизнь батрака?»

Довольно больших по размерам 2 стих. Н. Волкова зачеркнуты все целиком; одно из них называется «Сон», а другое «Новые песни».

Целиком зачеркнуто стих. Петра Андреева, а в стих. Б. Егунова вычеркнуты только два слова: «собратьев стон».

Зачеркнуты и слова на обложке: «Издание „Народный Кружок“».

Из статей и рассказов под заголовками: «Старшие», «Внутри России», «Интеллигенция», «Равнодушные», «Почтовая жизнь» и «Портные» — ни одна не миновала красных чернил цензора, а некоторые статьи сплошь зачеркнуты от начала до конца.

Кстати, одна интересная подробность, — на рукописи написано: «Дозволено цензурой, Москва, 9 сент. 1905 г.» и приложена печать Московского цензурного комитета. Что же собственно дозволяла цензура из всего довольно об'емистого сборника? — только 5 небольших стихотворений.

В каком срочном порядке рассматривалась рукопись, видно из даты подачи ее в цензурный комитет: на 1 листе поставлен № 3764 и дата — «7 сентября 1905 г.», а 9 сентября она уже была подписана цензором.

Вот как работала царская цензура в 1905 году!..

Н. А. Клюев

Впоследствии я познакомился с одним из участников этого сборника «Огни» — Николаем Алексеевичем Клюевым.

Он как-то зашел ко мне с Сергеем Антоновичем Клычковым. Сначала он показался мне человеком малоразвитым, малознающим, но впоследствии, когда начали выходить его один за другим сборники стихов, стало ясно, что этот человек очень близко был знаком с литературой, — с ее историей, с ее направлениями и что он только внешне делал вид ничего незнающего провинциала.

* * *

Следует отметить одну особенность: все писатели-самоучки начинали свою деятельность со стихов, а потом уже некоторые из них переходили на прозу.

Хотя стихотворная форма гораздо труднее прозаической, но она сильнее влияет на душу человека; да и толчок-то к писанию стихов поэты из народа получали от русских песен, которые они слыхали у себя в деревнях и знают с детских лет.

Впрочем, не одни писатели из народа начинали так; — если припомнить первое выступление в литературе наших больших писателей, то мы увидим, что многие из них также начинали стихами. Даже сам Толстой писал стихи.

Много из писателей-самоучек вышло недюжинных поэтов и прозаиков, но очень мало драматургов, бытописателей, исследователей литературы и биографов.

И. И. Лебедев

Из драматургов на самое видное место, после С. Т. Семенова, можно поставить Ивана Ивановича Лебедева.

И. И. Лебедев родился 29 июня 1859 года в Данковском уезде Рязанской губ.

После скитаний по разным городам России, — главным образом поволжским, — Лебедев перебрался в Москву и поступил в члены биржевой артели. Одновременно членом этой артели был и Сергей Александрович Найденов, — автор пьесы «Дети Ванюшина».

Кстати сказать, Лебедев несколько лет был заведующим винным складом купца Ванюшина в Саратове. Лебедев, так же, как и все самоучки, начал

свою литературную деятельность со стихов, напечатав первое стихотворение в 1876 году, а потом перешел на пьесы.

Первая его пьеса — драма в 4 действиях «Божья коровка», — была напечатана в 1905 году, перед этим она была запрещена к печати. Затем следуют: «Башня счастья» в 4 действиях и одноактные пьесы: — «Верное средство», «Юбилей футуриста», «Случай у купца Бушуева», «У фотографа», «Суд праведный», «Злополучная карточка», «Знакомые», «Совсем по-американски». Лучшая его пьеса «Сытые и голодные» была также запрещена цензурой.

И до сих пор Лебедев, живя в Москве, продолжает писать пьесы, большею частью для народного театра.

В 1927 году исполнилось 50-летие литературной деятельности И. И. Лебедева. 23 мая в доме Герцена происходило чествование юбиляра; ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусства.

С. Е. Ганьшин

Из ныне здравствующих поэтов старого времени — членов прежних народных кружков, следует отметить — Сергея Евсеевича Ганьшина, принимавшего деятельное участие в кружках и выпустившего несколько книжек своих стихов; Дмитрия Порфировича Варлыгина, Владимира Андреевича Щуренкова, Сергея Федоровича Бобрикова, Ивана Михайловича Дрожжина. Все эти поэты в последнее время почти отошли от литературы не потому, что им нечего сказать, а потому, что техника их письма по своей форме уже устарела, — их уже нигде не печатают, и это обстоятельство как бы парализовало их творчество. К таким замолкшим поэтам можно отнести Филарета Чернова, когда-то писавшего талантливые стихи.

В. И. Симаков

В последнее время мне пришлось познакомиться с тремя интересными людьми; — двое из них — Василий Иванович Симаков и Евгений Захарович Баранов — фольклористы — собиратели народных песен, сказаний, легенд, исследователи народного творчества, а третий — Иван Филиппович Масанов — библиограф. Все они — выходцы из рабоче-крестьянской среды, из народа, с которым и до сего времени не порывают связи. В. И. Симаков, — из крестьян, Кашинского уезда, Тверской губ., — родился в 1884 году. 10-летним мальчиком был отдан на выучку по мануфактурному делу.

В 1909 г. Симаков, как политически неблагонадежный, был сослан в Вологодскую губ., где и начал собирать народные песни, частушки. Из работ Симакова в этой области известны: «Деревенские песни и частушки» — 12 выпусков, «Жизнь крестьянской девушки-северянки по народным частушкам», «Несколько слов о деревенских припевках», «Что такое частушка?», «Сборник двухстрочных частушек» . . . и др.

В настоящее время Симаков готовит две интересные работы: — «Народные песни и их составители» и «Москва в народном творчестве»...

Служит Симаков в Госиздате по книжному делу.

Е. З. Баранов

Второй фольклорист — Е. З. Баранов. Отец его — крестьянин Московской губ., Коломенского уезда, переселился на Кавказ, где Ев. Зах. — и родился в Нальчике 30 декабря 1869 года. Учился сначала в Нальчиковской горной школе, а потом в Московском Строгановском училище; — здесь он в 1887 г. примкнул к народовольческому кружку, был арестован и выслан на родину. На Кавказе он начал записывать легенды, сказки, песни, помещая их в «Терских Областных Ведомостях». Кочевал по Осетии, Кабарде, служил дворником, писарем, нанимался на полевые работы, в то же время сотрудничал в столичных и провинциальных журналах и газетах. Труды Баранова выходили отдельными изданиями под разными названиями: «Кабардинские легенды», «Певец гор», «Сказки горцев», «Кавказские легенды», «Сказки Терских казаков», «Женская верность», «Ингуши», «Легенды», «Песни Терских казаков», «Проклятый дом».

Барановым написано много этнографических сборников: — «Курды», «Армяне» и др. и сборник оригинальных рассказов «Лесная сказка». В настоящее время Баранов, больной ногами, — находится в тяжелом материальном положении, — питается не каждый день — по дешевым чайным и столовкам и не оставляет любимого дела — все время записывает современные легенды, которых у него накопилось довольно большое количество.

И. Ф. Масанов

Третий из моих недавних знакомых — Иван Филиппович Масанов — библиограф, исследователь литературы — сын крестьянина Владимирской губ., родился в с. Новом 18 мая 1874 г. По окончании сельской школы, по обычаю, был послан на заработки в Москву, где работал каменщиком, а затем маляром и кровельщиком. Впоследствии поступил в артель и служил конторщиком в немецкой торговой фирме.

Любовь к литературе, к книге у Масанова проснулась рано; — этому способствовала семейная, наследственная любовь к печатному слову.

Сначала он интересовался историей и археологией, а потом интерес перешел к библиографии.

В отдельных изданиях вышли следующие труды Масанова: «Библиография Владимирской губ.», «Библиография сочинений А. П. Чехова», Газета «Молва» (библиограф. указатель ее содержания), «Русские сатиро-юмористические журналы» — трехтомный труд; вышел из печати только 1-й том — библиограф. описание журналов — «Весельчак» и «Искра». Два другие тома

остались неизданными в «Трудах Владимирской Архивной Комиссии».

Из неизданных библиографических трудов Масанова можно отметить 2 тома «Библиографического указателя сочинений А. П. Чехова и литературы о нем и его творчестве».

Кроме того, Масанов до сих пор работает над словарем псевдонимов русских писателей, для которого у него уже собрано около 40.000 псевдонимов. Зарабатывая трудом существование, этот настоящий «любитель российской словесности» до сих пор не бросает любимого дела.

Все эти писатели из народа, писатели — самоучки, силуэты которых я набросал, — вышли из народа — «дети семьи трудовой», все они родились в крестьянской среде, но в силу жизненных обстоятельств большею частью были оторваны от деревни и работали в городах, — большинство в Москве в мастерских, по фабрикам и заводам, в мелкой торговой среде, но у многих из них связь с деревней не прерывалась; поэтому-то им и были понятны все нужды и горести закрепощенного царским правительством трудового класса города и деревни.

Л. Н. Виноградов

Своими песнями поэты-самоучки будили народ, звали его на борьбу с насилием и гнетом и пели свои песни не от «безделья, не для забавы», и их

песни были проще и доступнее широким трудящимся массам, чем песни других больших поэтов. Но среди самоучек встречались и такие, которые как раз наоборот, пели свои песни для забавы, для собственного самоудовлетворения, воспевали свои личные мелкие дела, описывали обыденную жизнь. К таковым поэтам можно причислить московского 1-й гильдии купца Леонтия Никитича Виноградова.

Он также происходил из крестьян; мальчиком жил в деревне, а мать его — крепостная, жила в Москве, в прислугах.

Мальчик-Виноградов был пристроен при купеческой конторе.

Должность дали мне в конторе —
Пол мести и пыль стирать,
А свободен когда буду,
То учился бы писать

говорит он в своей «Исповеди» — автобиографии, и там же рассказывает о том, как он жил в деревне:

Жил в деревне лет я восемь,
Да еще к пономарю
За четыре версты бегал,
С год учился букварю.
Кое-как понаучился
По-славянски я читать!..

После описаний разных перепитий, Виноградов кончает свою «Исповедь» так:

Сам себе теперь хозяин
И купцом Московским стал,
Есть сусальная торговля
И свой в деле капитал.

Виноградов был женат на дочери купца Иевлева, имевшего фабрику и торговлю сусальным золотом. После смерти Иевлева Виноградов сделался хозяином этого предприятия.

В 1898 году Виноградов издал целый том своих стихотворений «В часы досуга» с портретом и факсимиле. Издал он эту книгу на хорошей бумаге, в коленкоровом с золотым тиснением переплете и напечатал ее в Губернской типографии.

Когда Виноградов подарил мне свою книгу, я спросил его:

— Почему это вы, Леонтий Никитич, напечатали свою книгу в Губернской типографии?

— Зачем же мне печатать в простой типографии? — это солиднее, — ответил он.

Стихи Виноградов писал на самые обыденные жизненные случаи: «На именины кухарки Родионовны», «Памяти моего тестя», «Надпись на портрете, подаренном мною сестре», «Посвящение жене и дочери», «На подписке выигрышных билетов дворянского банка в Волжско-Камском банке», «Памяти моей тещи» и тому подобное.

Стихи Виноградова не имеют никакого общественного значения; да и сам он в обращении своем «к читателю» говорит:

Скажу нелживо, мой читатель,
Да будет ведомо тебе,
Здесь не ищу я, как писатель,
Народной почести себе.

Стихи писал я для забавы,
Как самоучка, не поэт,
И целой книгой не для славы,
Но для друзей их издал в свет...»

Виноградов с трудом овладевал стихом, — поэтому он заводил знакомства с мелкими сотрудниками газет, которые за известную плату исправляли его стихи, а насчет платы Виноградов нескупился, — он угощал «правильщиков» своих стихов у «Патрикеева» или в «Большом Московском» ухой из стерлядей и растегаями.

Андрей Алексеевич К.

Вспоминается мне другой оригинал-писатель — Андрей Алексеевич К. Он жил одиноко, на покое в меблированных комнатах «Прага» на Арбате; средства для существования ему давали сыновья и дочери.

Комната его представляла оригинальный вид, — она вся была заклеена разными изречениями, составленными из вырезок газетных об'явлений.

Старик только и занимался тем, что читал газеты и главным образом — об'явления; из этих об'явлений он вырезал некоторые слова и составлял из них фразы, смысл которых, может быть, и ему самому был непонятен.

Эти изречения он наклеивал на стены своей комнаты.

Над столом, который у него стоял посредине комнаты, к потолку была прикреплена тонкая

нитка, а к концу нитки — бумажная стрела, которая повертывалась в разные стороны.

Старик, просыпаясь, глядел на стрелу, — куда она показывает, и на том месте искал изречение на стене, и лежал, стараясь вникнуть в смысл его; — может быть, оно что-нибудь ему и говорило.

Андрей Алексеевич писал философско-нравственные статьи, но нигде их не печатал; издал он только одну брошюру о каком-то святом, кажется, Феофане-затворнике, которого считал своим родственником. . .

Как-то раз я зашел к нему в номер и обратил внимание на целый столб пустых папиросных коробок, которые были наложены на подоконнике. Я спросил у старика — для чего это сделано?

И он мне об'яснил так: он очень много курил и задумал бросить курить.

Сначала он, чтобы сделать интервалы в курении, стал посылать коридорного за каждым десятком папирос в лавочку, думая, что коридорные ходят не скоро, а в это время он будет без папирос.

Коридорному приходилось больше десятка раз бегать в лавочку, и он сообразил: — купил сразу несколько десятков коробок папирос и положил их у себя, — как только квартирант посылал за папиросами в лавочку, так он сейчас же и подавал ему их.

Когда этот маневр не удался, старик придумал другое: — он купил небольшую иконку, кажется, великомученика Пантелеймона, и повесил ее в самой верхней части окна, а под иконкой начал складывать столбиком пустые коробки.

— Вот когда этот столбик дойдет до иконы, тогда я брошу курить, — сказал мне Андрей Алексеевич.

Не знаю, — сбылось это или нет.

Когда я об этом оригинале рассказал И. А. Бунину, он взял некоторые черты его для своего рассказа «Казимир Станиславович».

М. Н. Воронов

Вспоминаю еще одного оригинала-писателя, которого можно отнести к уже исчезнувшим типам.

В начале 900 гг. в центре города — главным образом на Тверской, Никитской и Петровке каждый день можно было встретить небольшого роста старика с бритым подбородком, щетинистыми усами; одет он был в старомодную, потертую шинель, из под дворянского с красным околышем картуза смотрели острые, черные глазки. Он медленно двигался по тротуарам, неся под мышкой туго набитый потрепанный портфель. Старик иногда останавливался у витрин магазинов, а иногда заходил в магазины и оставался в них довольно долго.

Все приказчики магазинов знали этого старика в шинели, — это был поэт Михаил Николаевич Воронов; он являлся издателем своих сочинений и распространителем их, — для этого он носил

в портфеле образцы изданий и отдельно напечатанные листочки-рекламы, которые он раздавал по магазинам.

У меня сохранился один такой листок-реклама, — вот копия с него:

Литературная новость:

Собрание сочинений в стихах и прозе Михаила Николаевича Воронова.

(С фотографическим портретом автора).

Имея намерение выпустить в свет плоды своих литературных трудов, автор, имеющий честь состоять сотрудником многих газет и журналов, что служит ему отчасти рекомендациею — и быть в то же время редактором одного из периодических изданий, конечно, далек от мысли петь хвалебный гимн достоинству своих сочинений, так как подобный поступок был бы и странен и смешон в глазах каждого умного и развитого человека. Но несмотря на это, он, однако, считает не лишним заметить, что читатель не встретит в предлагаемой книге того цинизма, который, к сожалению, встречается в наш просвещенный, но испорченный нравственно век во многих сочинениях. Автор настолько уважает литературу, что грязнить ее пошлыми выходками он не соглашался и не согласится никогда! Справедливость этих слов легко проверит каждый, прочитав хоть некоторые произведения Воронова, наприм. — «Воспоминания Мировеева», и «Пьер-дю-Террайль» и стихотв.: — «Отречение Герцога Готфрида Булионского от Ерусалимской короны», «Джемс—Дуглас Черный», «Германский император Фридрих Барбаросса» и пр. Собрание сочинений Воронова предполагается напечатать так роскошно, чтобы оно могло служить настольной книгой в любом кабинете, хотя бы он принадлежал высокородному князю, или богачу-банкиру. Она будет издана на веленевой бумаге не ниже достоинством той, на которой печатается наш известнейший журнал «Всемирная Иллюстрация» и даже лучше, если позволит число подписчиков. Кроме того, каждый экземпляр собрания сочинений будет в роскошном коленкоровом малинового или синего цвета переплете с золотым тиснением на корешке и крышках его, с шелковой закладкой и с фотографическим портретом Воронова.

Цена собрания сочинений, принимая во внимание изящество издания и переплета, назначается самая умеренная, а именно — 3 р. 50 коп.» . . .

Дальше следуют условия подписки:

«Хотя в данное время нельзя назначить месяца, в который выйдут предлагаемые книги, потому что выполнение их сопряжено с громадными техническими трудностями и значительными затратами, но Г-н Воронов просит, тем не менее, лиц, желающих приобрести собрание сочинений и роман «Борьба за королевский венец», не медлить своими требованиями. Те, которые запишутся на обе

книги и от которых будут получены следуемые деньги, не позже 1-го июня, получат в виде премии громадную олеографическую картину, которая по величине и изяществу не уступит картине «Дорогой гость», данной журналом «Нива» своим подписчикам» . . .

Не знаю, осуществил ли Воронов издание в роскошных переплетах своих сочинений, но мне пришлось видеть его книгу — «Струны лиры и души» с автобиографией, в которой говорилось, что Воронов происходит от какого-то татарского хана Абалдуя; рассказывается, как он хотел жениться, но не мог найти себе такой родовитой пары, каким он был сам.

Воронов разносил эту книгу по магазинам и продавал, при этом рассказывал покупателям свою биографию.

Воронов как-то незаметно исчез с Московского горизонта, но люди старшего поколения и до сих пор помнят его фигуру в старомодной шинели и в дворянском с красным околышем картузе . . .

* * *

Должно отметить еще одно обстоятельство в жизни и деятельности писателей-самоучек, — они не только были издателями и редакторами газет и журналов, но пытались завести свои книжные торговли, — они нанимали крохотные уголки, примкнутые между домами, и мерзли там по зимам, торгуя на гроши; но в 1905 году кружок писателей из народа открыл на Тверском бульваре свой книжный магазин под названием — «Искра»; — вывеска была написана красной краской.

Главным руководителем магазина был М. Л. Леонов.

Стали издавать сатирические журналы и книжки революционного содержания, так были изданы «Пауки и мухи» Либкнехта и два сборника революционных песен «Под красным знаменем».

После подавления восстания 1905 года, издания эти были конфискованы, а руководители изданий посажены в тюрьму; в первую голову арестовали Леонова и он попал в Таганскую тюрьму.

А. Т. Саладин

К числу писателей из народа можно причислить еще одного интересного человека, с которым я познакомился через поэта Василия Васильевича Горшкова в начале 1917 года.

Горшков пришел ко мне и рассказал о своем сослуживце в Управлении Казанской жел. дор., об Алексее Тимофеевиче Саладине.

Вскоре Саладин пришел ко мне. Это был человек лет 40, — замкнутый, стесняющийся во всем, неуверенный в себе.

Он рассказал мне о своих трудах, и через несколько дней доставил довольно об'емистую книгу страниц в 350 большого формата; она носила название: «Прогулки по кладбищам Москвы».

Ознакомившись с книгой, я поразился тому огромному труду, выполненному с такой любовью и в очень короткий срок: — в течение летних месяцев 1915—1916 гг.

Саладин описал каждое кладбище с исторической стороны и все могилы более или менее выдающихся людей, — подробно указал местонахождение могил, описал все надгробия-памятники, точно воспроизвел надписи на памятниках и сделал характеристики погребенных. В описаниях он, видимо, отдавал предпочтение людям литературным.

Вместе с книгой Саладин подарил мне и альбом фотографических снимков с памятников замечательных людей, под названием — «Московский Некрополь». Все снимки в этом альбоме сделаны им самим с большой тщательностью.

Этот труд незаметного человека представляет ценный материал для тех, кто вздумал бы изучать московские кладбища.

Об этом труде Саладина я делал доклад в обществе «Старая Москва», и он заинтересовал очень многих членов этого общества.

Саладина страстно тянуло к литературе, но из скромности он скрывал это увлечение, и только познакомившись со мной, был откровенен — поделился задуманными планами и показал уже кое-что из сделанного им, — так он задумал описать все дома в Москве, в которых родились, жили или

умерли известные писатели; — к этому труду он привлекал и меня и мы кое-что сделали, но не закончили это дело.

Саладин умер 18 июля 1918 года.

После его смерти, я, по рассказу В. В. Горшкова, узнал некоторые подробности об этом интересном человеке: — Саладин — сын крестьянина; отец его, после 15-летней военной службы, был ломовым извозчиком; мальчик-Саладин был отдан в «Новиковское» Ямского общества училище, потом был наборщиком в типографии, служил конторщиком. Пристрастился к чтению, — читал больше историческое, бытовое — «Бродячую Русь», «Калики-перехожие» Максимова. Этот интерес к историческому прошлому и сказался в его трудах. После его смерти оказалось, что он писал рассказы и стихи, тщательно переписывал их в тетради, но никому не показывал. Остался еще один рукописный труд, — об'емистая книга описаний всех московских улиц и исторических зданий под названием «Прогулки по Москве». — Задумывал Саладин сделать описание интересных мест в окрестностях Москвы, но успел написать только несколько очерков. В 1905 году Саладин был арестован и сидел в тюрьме.

По рассказам Горшкова, человек этот был до болезненности честен и правдив. Был такой случай: Саладин жил в селе Раменском в верстах 40 от Москвы и оттуда каждый день ездил на службу в Москву.

Однажды он помог сыну местного мясника устроиться на какой-то должности; мясник, в благодарность за это, принес в отсутствие Саладина кусок хорошего мяса и отдал его жене, та приготовила его и, когда приехал муж, подала к ужину.

— Откуда ты взяла мясо? — спросил Саладин у жены.

Та сказала.

— Сейчас же выброси это мясо собакам! — заявил Саладин и не стал ужинать.

Эта болезненная честность довела Саладина до рокового конца: говорят, он умер, голодая...

* * *

В заключение можно сказать, — если большая интеллигентская литература делала свое дело в смысле поднятия в угнетенном народе сознания своего достоинства и расшевеливала «верхи», — то писатели из народа — самоучки являются не менее значительными двигателями народных масс в процессе революции, потому что их писания непосредственно проникали в гущу народную, — их путь был на фабрики, заводы, в мастерские, в деревню, — к рабочему, трудящемуся люду.

Не даром царское правительство зорко следило за этими писателями, и почти все издатели, редакторы и многие сотрудники народных журналов, газет и листовок подвергались правительственным карам: — все они в свое время познакомились и

с Таганской и с Бутырской тюрьмами и с высылками.

Но организационная работа в прошлом всех этих писателей из народа не пропала даром: из небольших кружков, основателем которых был поэт И. З. Суриков, образовался «Всероссийский Союз Крестьянских писателей», в составе которого насчитывается до 800 членов.

В последнее время «Союз» преобразовался в «Всероссийское Общество Крестьянских писателей».

В конце 1927 г. председателем «Общества» был избран старый народный писатель С. П. Под'ячев, а заместителем его — молодой, выдающийся своими рассказами, писатель из народа Петр Иванович Замойский.

Вся эта масса писателей из крестьян, об'единенная в своем «Обществе», представляет огромный коллектив, служащий связью между городом и деревней.

Из среды его членов, ранее состоявших в прежних народных кружках, выделилось много заметных поэтов и прозаиков; к ним можно отнести трагически погибшего Сергея Александровича Есенина и теперь работающих, — Николая Алексеевича Клюева, Петра Васильевича Орешина, Сергея Антоновича Клычкова, Сергея Александровича Обрадовича, Ивана Меркуловича Корнева и др.

При «Обществе Крестьянских писателей» издавался журнал «Жернов», секретарем которого

состоял Константин Алексеевич Филимонов и Литбюро под руководством старого поэта-революционера Александра Алексеевича Богданова...

* * *

Какое же взаимоотношение существовало между этими писателями-самоучками и писателями общими, т.-е. писателями с литературными именами из других классов? За тот литературный период, пережитый мною, я могу сказать в общем, что большие писатели мало обращали внимания на своих меньших братьев-писателей — выходцев из народа.

Правда, если взять единичные случаи, — большие писатели помогали меньшим, — так, мы знаем, что Л. Н. Толстой обращал особое внимание на всякое проявление живой мысли у писателей, вышедших из трудового класса; примеров тому много: С. Т. Семенов, Ляпунов, Савихин...

Как писатель-народник, Н. Н. Златовратский, само собой разумеется, благоволил ко всем, как он выражался, «пионерам трудовой народной массы».

Фомушкин

Кроме Лазарева-Темного и Ф. Т. Гаврилова, о которых говорилось уже в своем месте, я помню, как старый писатель носился с каким-то ломовым извозчиком из Твери Фомушкиным, написавшим очень недурной бытовой рассказ, изданный «Посредником». Очень много уделял внимания писателям из народа Николай Иванович Тимковский,— он помогал многим и советами и материально.

А как относился к этим писателям Максим Горький — это всем известно, — его внимание к писателям из рабочих и крестьян не ослабло до последнего времени. В одном из писем от 28 июня 1927 г. он пишет:

> «Тяга рабочих и крестьян к литературе, — это одно из крупнейших „положительных“ явлений в Советской России; это вполне естественное стремление новой творческой силы занять „командные высоты культуры“. Тяга эта должна расти все мощнее и быстрее, ибо у нас около 12 тысяч селькоров, да, вероятно, и рабкоров не меньше. Сия почтенная армия тоже, из года в год, будет разрастаться количественно и выделять из среды своей десятки и сотни молодежи в „большую литературу“».

И мы видим, что массовый писатель все больше и больше входит в литературу, отражая в своих произведениях быт и характер тех людей, которые, по словам Горького, «мужественно строят новую жизнь». Горький чутко прислушивается к их словам: — вот что он пишет в одном недавнем письме ко мне:

> «Очень внимательно читаю молодых литераторов,— хорошие задатки у многих...»

А если это так, то пусть новые писатели, завоевывая себе положение в литературе, не забывают тех, кто шел прежде них по тернистой дороге и прокладывал им путь...

На этом я закончу первую часть своих литературных записок-воспоминаний о писателях из народа и о писателях-народниках.

Во второй части [1]) мне придется говорить о писателях другого класса с которыми я встречался на литературном пути, из которых «одних уж нет, а те далѐче» и о тех, которые и сейчас среди нас.

Москва,
1928 год.

---

[1]) «Литературная Среда» — издание «Никитинские Субботники».

Алфавитный указатель личных имен, встречающихся в „Литературной Москве“

КНИГИ И. А. БЕЛОУСОВА, ИЗДАННЫЕ В 1918—28 гг.

«Запретный Кобзарь» Шевченка. Перевод. Изд. «Грань». 1918 г.
То же. Изд. 2-е. «Земля и Фабрика», 1922 г.
«Кобзарь». Шевченка. Перевод. Изд. «Мос. Совета Р.К.Д.», 1919 г.
«Т. Шевченко». Изд. «Издат. 1922 г.» в серии для экскурсантов 1924 г.
«Т. Шевченко». Изд. «Моск. Совета Р. К. Д.». В серии «Кому пролетариат ставит памятники», 1919 г.
«Песни борьбы, труда и горя». Сборн. стихов. Изд. «Земля и Фабрика», 1923 г.
«Сами сыграем». Пьесы для школьн. театра. Изд. «Издат. 1922 г.», 1924 г.
То же. 2-е изд. «Моск. Акцион. общ.», 1926 г.
«Песни о хлебе и труде». Стихи. Изд. ГИЗ, 1924 г.
«Первая кровь». Пьеса из эпохи 1905 г. Изд. ГИЗ, 1925 г.
«Литературная Москва». Воспоминания. Изд. «Сегодня», 1926 г.
«Ушедшая Москва». Изд. «Моск. Т-ва Писателей», 1927 г.
«В жуткие дни». Воспоминания о 1905 г. Изд. «Политкаторжан». 1927 г.
«Литературная среда». Воспоминания 1880—1928 гг. Изд. «Никитинские субботники», 1928 г.

Все книги, за исключением трех последних, распроданы.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“
Москва 9, ул. Герцена, 22. Телефон № 4-40-58

О ГОРЬКОМ — СОВРЕМЕННИКИ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ И СТАТЕЙ

256 стр., Ц. 2 р. 25 к. В переплете.

Обложка худ. Толоконникова.

Воспоминания, собранные в этой книге, впервые появляются в печати и представляют несомненный материал для исследователя. Чтобы ближе и полнее знать писателя, который является редкой творческой силой нашей и мировой литературы, необходимо каждому ознакомиться с этой ценной, интересной книгой.

В СБОРНИКЕ: С. Елпатьевский — Максим Горький, Ал. Чапыгин — Беседы с М. Горьким, Иван Рукавишников — Мои встречи с Горьким, А. Треплев — Максим Горький на Волге, Ян Страуян — О человеке и писателе, Иван Белоусов — Максим Горький среди литераторов, Влад. Гиляровский — У Горького в Нижнем, П. Сурожский — Первый наш писатель, Е. П. Иванов — Об А. М. Пешкове и об его городе, Ел. Викторова — Горький на Капри, Вал. Язвицкий — О Горьком, которого не видел, Г. Устинов — Светло-серый конверт, А. Дерман — „Академический инцидент“.

К сборнику приложен портрет М. Горького.